

Современный любовный роман

ИЗМЕНА

ПРАВО НА СЕМЬЮ

Арина Арская

Арина Арская

Измена. Право на семью

<https://litres.ru/74294189>

Аннотация

— Я хочу тебе кое-что показать, милый. Бесшумно вхожу в кабинет, шагаю к столу и кладу перед Валерием разблокированный телефон с сообщениями от его любовницы. Молча сажусь в кресло напротив. Касается пальцами экрана, пробегает по нему взглядом и поднимает невозмутимые глаза: — И? — У тебя есть любовница. И это ты с ней на фотографии. — Да, — он кивает и откидывается назад. — И в чем проблема?

Содержание

Глава 1. Оставь его. Он любит меня	5
Глава 2. Идеальную жену можно воспитать	12
Глава 3. Это какое-то безумие	19
Глава 4. Ты в своем уме?	24
Глава 5. Никакая	29
Глава 6. Даже не пытайся	35
Глава 7. Острый осколок	39
Глава 8. Ути-пути	43
Глава 9. Сказочник	47
Глава 10. Где ваши чувства?!	51
Глава 11. Я в аду, мама	55
Глава 12. И полный контроль в твоих руках	59
Глава 13. Бык-осеменитель	63
Глава 14. Что за возню ты устроил?	66
Глава 15. Рыцарь в сияющих доспехах	71
Глава 16. Вопросы	75
Глава 17. Доброе утро	79
Глава 18. Ты моя жена	83
Глава 19. Не провоцируй меня	87
Глава 20. Новая блузка	91
Глава 21. На то я и муж, чтобы учить тебя	95
Глава 22. Разрешаю скинуть ее с балкона	99
Глава 23. Порадуй меня	103

Глава 24. Открытие для заюши	107
Глава 25. Прозрение	113
Глава 26. Держись, Викусь	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1. Оставь его. Он любит меня

Я пялюсь на фотографию мужа, который спит на мятых шелковых простынях, запрокинув руки за голову, а к нему жметесь милая шатенка. Симпатичная такая, острый носик, пухлые губы и хитрые глазки. Она же судя по ракурсу и сделала фотографию. Хороший снимок, чувственный и провокационный.

Следом за фотографией прилетает сообщение от незнакомого номера:

“Оставь его. Он любит меня”

Способен ли Валерий на любовь? Интересный вопрос, о котором я за наш недолгий брак не раз задумывалась. В кроватке покряхтывает Сонечка, будто учуяла мой гнев. В руке вновь вибрирует телефон, и я медленно выдыхаю.

“Где твоя гордость?”

Откладываю смартфон, встаю с кресла, но в детскую заходит Мария. Наша няня. Хорошая, вежливая и доброжелательная женщина, у которой кроме основных обязанностей

есть еще одна повинность перед главой дома. Я в курсе, что Валерий периодически вызывает Марию к себе и она отчитывается перед ним по поводу меня.

Я вышла за Валерия по указке богатого и успешного дяди, который пообещал моему отцу перед смертью, что позаботится о его “милом ангелочке”. Фактически его забота обернулась для меня годами в закрытом частном интернате, после он отправил меня в университет, ведь любая приличная женщина должна быть с образованием, чтобы ее было потом выгодно продать.

Я стала его разменной монетой в корыстной цели породниться с семьей Рузановых, и меня до сих пор тошнит от тех тихих переговоров, на которых мне сделали предложение “руки и сердца”.

Я не горжусь той громкой истерикой, перевернутой мебелью, разбитой посудой и попыткой сбежать. Дядя меня вернул, поставил ультиматум и доходчиво объяснил, что жизни мне не даст, если я откажусь.

Мама тогда встала на его сторону и назвала меня капризной идиоткой. Конечно, она испугалась, что гнев дяди и ее коснется. Она всегда им восхищалась, и вечно ставила его в пример папе, который посвятил жизнь не “бизнесу”, а музыке. И да, после смерти отца дядя и маму взял под свое щедрое крыло. До сих пор ее содержит, потому что мы... семья!

— Проснулась, заюша? — Мария наклоняется над кроватью.

Валерий не любит меня. Мы так и не сблизились с ним, как родные люди, и после родов у меня снесло крышу. Я люблю дочь больше всего на свете, но родить ее я должна была для другого человека. Для того, кто бы любил меня. И не Валерий должен был ее брать на руки после роддома с каменной рожей и пустыми глазами.

Да, снесло крышу. Именно так. У меня случился дикий нервный срыв, когда я вновь переступила порог шикарного особняка. Слабая, никчемная и обессиленная после сложных родов с обильной кровопотерей. Вошла в дом, где меня не любят, села на кушетку у входной двери и при всех родственниках закричала в отчаянии.

Была скорая, но успокоительных не вкололи. Лишь дали список с травяными чаями, которые можно кормящим мамам. Именно поэтому Мария и докладывает Валерию о моем состоянии. И я на нее не злюсь, потому что сама виновата. Я не умею держать себя в руках.

— Вам бы поспать, Виктория, — Мария обеспокоенно смотрит на меня.

— Все настолько плохо?

— Вы бледная.

Дядя мой — бездетный. Он бесплоден, поэтому так вцепился в меня, стал моим официальным опекуном и “ввел” в свою семью. И как же он разочаровался во мне, когда я родила дочку. Он хотел внука. Словами он этого не сказал, но взгляд был весьма красноречив, а затем проникновенным

шепотом пожелал в самое ближайшее время сына. Родители Валерия его поддержали.

— Я Соню кормила полчаса назад, — вздыхаю и похлопываю по щекам, чтобы разогнать кровь.

— Значит, она просто балуется, — ласково воркует Мария на Соней, которая улыбается и ножками сучит. — Сладкая булочка, — поднимает внимательный взгляд на меня. — Что-то случилось?

— Нет, — я мило улыбаюсь. — День просто сегодня такой. Пасмурный, задумчивый. Подхожу к окну и выглядываю в сад.

Валерий скоро вернется. Я не питала иллюзий, когда он надел обручальное кольцо из белого золота на палец. И клятв в верности он мне не давал, и я не имею права возмущаться из-за его измены. Горько усмехаюсь. Изменяют любимым, а женщинам, с которыми заключен брак по договоренности, нет. Однако...

Однако мне гадко. Я ведь так старалась с Валерием сблизиться после заключения брака, уговорила себя, что любовь не всегда возникает из страсти или влюбленности, но я потерпела фиаско. Или год и несколько месяцев для мужчины и общий ребенок — это слишком мало?

И будь у меня возможность, то я бы сейчас оставила Валерия его любовнице со всеми его потрохами и деньгами, но кто мне позволит это сделать? Если не муж, то меня вернет дядя. Он же в ответе за меня. Он теперь для меня “строгий

и безжалостный отец”.

— Виктория, — Мария подходит к окну бесшумным шагом.

— Да?

— Я хочу уволиться.

— Вам стоит обсудить это с моим мужем, — блекло отвечаю я. — Не со мной.

— Я его боюсь, — шепотом отзывается она. — И мне тут некомфортно. Вы мне нравитесь, Виктория, поэтому... Я чувствую себя паршиво, когда...

— Когда докладываете Валерию обо мне?

— Вы знаете об этом?

— Да, — медленно киваю, наблюдая, как с листьев пионов скатываются капельки воды. — И я прекрасно понимаю, почему вы задумались об увольнении, но будет другая няня, которая тоже будет отчитываться перед моим мужем. Я не знаю, о чем вы конкретно говорите на аудиенции с моим супругом, но я вижу, что с Соней вы нашли общий язык. Я бы хотела, чтобы вы остались.

— Я не говорю ничего плохого о вас...

— А я давала повод? — разворачиваюсь к Марии.

— Нет.

— А если бы дала?

— Вероятно, я бы не смогла солгать Валерию, — она опускает взгляд. — Ему бы быть дознавателем.

Я лишь улыбаюсь в ответ и возвращаюсь к кровати. Соня

сладко посапывает. Поправляю одеялко, невесомо касаюсь пальцами ее бархатной щеки, и она сквозь сон улыбается. Моя маленькая радость.

Телефон, что лежит на подушке кресла, вновь вибрирует. Какая настырная у Валерия любовница. Подхватываю смартфон, сажусь и тихо обращаюсь к Марии:

— Я с ней побуду.

— Вам принести чай? — услужливо уточняет она. — С кусочком творожного пирога?

Киваю. Дожидаюсь, когда Мария выходит, и просматриваю сообщения.

“Он тебя не любит”

“Я не желаю тебе зла”

Я вскидываю бровь. Вот ты бы мне еще желала зла, дорогуша. И не со мной тебе надо вести переговоры о великой и наивной любви, а с моим супругом. Подключи свою женскую хитрость, милая, и постарайся подвести его к разводу. Поглаживаю подлокотник кресла, задумчиво глядя на люстру. Вздрагиваю от очередной короткой вибрации.

“Ты должна понять меня, как женищина”

Убираю локон за ухо и печатаю сообщение. Выжидаю секунду и отправляю.

“Прекрати унижаться”

Глава 2. Идеальную жену можно воспитать

Стучу по косяку двери костяшками пальцев. Забавно. Я не могу войти в кабинет мужа без стука. Я ему родила дочь, ношу его фамилию, а веду себя будто его подчиненная.

— Входи, — раздается приглушенный и спокойный голос Валерия.

На совместном молчаливом ужине я не смогла поднять вопрос о его интрижки. Все же такие разговоры не стоит вести за трапезой.

— Я хочу тебе кое-что показать, милый.

Бесшумно вхожу в кабинет, шагаю к столу и кладу перед Валерием разблокированный телефон с сообщениями от его любовницы. Молча сажусь в кресло напротив. Касается пальцами экрана, пробегает по нему взглядом и поднимает невозмутимые глаза:

— И?

— У тебя есть любовница. И это ты с ней на фотографии.

— Да, — он кивает и откидывается назад. — И в чем проблема?

Валерий красивый молодой мужчина. И у него строгая красота, жесткий и внимательный взгляд, насмешливый изгиб черных бровей, но любят человека не за его внешность.

Верно?

— Ты внимательно прочитал ее сообщения? — я тоже откидываюсь на спинку кресла, неосознанно копируя его позу.

— Да.

— И то, в котором она говорит, что ты ее любишь?

Я вот себе не позволяю в последние месяцы даже подумывать о том, что Валерий может меня полюбить.

— Что это? — он усмехается. — Ревность?

— Нет, — качаю головой. — Валер, ты не считаешь, что надо тратить жизнь на любимых людей?

— Ближе к сути, Вика, — едва заметно щурится, и взгляд становится не просто холодным, а ледяным.

— Ради любви можно и развестись, — мило улыбаюсь. — Правда? Но это только в том случае, если ты действительно испытываешь к этой очаровательно наглой красавице глубокие чувства. Ты на них способен?

— Какой развод, Вика? — обнажает зубы в улыбке.

— Обычный развод, Валера, — вздыхаю я.

— У нас любого развода не будет, — Валера пожимает плечами. — По крайней мере, до того момента, пока жив мой и твой отцы.

— Он мой дядя, Валера, — сжимаю переносицу.

— Каждый раз об этом забываю, — усмехается. — Мне опять тебе напомнить об условиях завещания моего отца и твоего дяди?

— Да каждый из них может дожить лет до ста из вредно-

сти, — закрываю глаза и медленно выдыхаю. — Валер, ты предлагаешь десятки лет прожить вот так?

— Как?

— В презрении, ненависти друг к другу, — тихо отвечаю я и смотрю на него в упор, а он смеется.

— Вика, у меня нет к тебе презрения и ненависти, — клонит голову набок и улыбается. — Наш брак для меня совместный проект, и мы друг для друга должны быть прежде всего деловыми партнерами. Понимаешь?

— Меня от тебя тошнит.

— Ты хочешь меня порадовать хорошей новостью? — он со лживым восторгом подается в мою сторону, а затем разочарованно вновь откидывается, — хотя постой... Ты же меня не подпускаешь к себе.

Я сжимаю кулаки и до скрежета стискиваю зубы. Да, не подпускаю, ведь потом последует горькое разочарование от того, что меня используют лишь, как инкубатор.

— Я звонил твоему врачу, Вика, — его верхняя губа дергается в гневе. — Регулы в прошлом месяце вернулись, ты восстановилась, все анализы в норме, между ног у тебя все в порядке.

— Еще рано, — сглатываю горчащую отчаянием слюну.

— Ты вновь отказываешься от супружеского долга? — вопросительно изгибает бровь. — И удивляешься тому, почему у меня любовница?

— Если я и удивляюсь чему, — тихо чеканю каждое слово

и встаю, — то это тому, откуда твоя любовница знает мой номер.

— Вероятно, каким-то образом схитрила, подгадала время и стащила мой телефон, когда он был разблокирован. Отыскала в списке контактов “жена”, — с издевкой ухмыляется. — Тайна раскрыта. Чему тут удивляться?

Шагаю к столу, подхватываю телефон и окидываю Валерия раздраженным взглядом.

— Проект? Партнеры?

— Именно так, дорогая.

— Ты ведь знаешь, как для бизнеса и партнеров важна репутация, да? — говорю медленно и отчетливо. — Меня не волнует, с кем ты возишься на шелковых простынях, но ты бы не мог свою шлюху щелкнуть по носу? И еще, милый, мужчины не просто так скрывают измены, понимаешь? Не надо бросать тень на красивую картинку благополучной семьи, в которой ты — приличный, любящий супруг и идеальный отец.

— В этом я с тобой согласен, — покачивается в кресле.

— И вопрос супружеского долга стоит обсудить тогда, когда мой цикл полностью восстановится и я смогу четко определить фертильные дни, — сдерживаю в себе желание схватить со стола ноутбук и разбить его о голову Валерия. — И еще. Мне потребуются справки о том, что ты чист на наличие заболеваний передающихся половым путем.

Валерий хмыкает, окидывает меня оценивающим взглядом

и поднимает равнодушные глаза:

— Резонное требование, дорогая, и его удовлетворю, но спешу заверить, что я предохраняюсь, ведь я против незаконнорожденных детей даже от любимой женщины.

— Какой же ты мерзавец, Валера, — с легким осуждением качаю головой.

— Надежда сбегать муженька любовнице идет трещинами? И ты осознаешь, что в случае развода я могу у тебя забрать Соню? — медленно встает, и в его глазах пробегает темная тень.

— Ты ведь можешь родить детей с любимой.

— А Соню за борт с матерью-истеричкой? — вглядывается в глаза. — Вика, будь рациональной женщиной. Все твои “ах, я несчастлива”, “ах, я терпеть не могу мужа”, “ах, меня вынудили выйти замуж за мерзавца” мне надоели. Если у тебя послеродовая депрессия, то я найму тебе психолога, чтобы он чуток подправил твои мозги.

— Кто бы твои подправил, — телефон в моей ладони поскрипывает.

— Это не я тут соплю на кулак наматываю, — глухо рычит.

Я касаюсь влажной щеки, в изумлении растираю в пальцах слезы, которых не заметила. Расплакалась?

— Свободна, если больше нечего сказать, — Валерий возвращается в кресло и раздраженно ослабляет галстук.

— Да был бы смысл тебе что-то говорить, — разворачиваюсь и шагаю прочь.

— Что тебе не хватает? — догоняет меня злой голос Валерия у двери.

Оглядываюсь, и он смеривает меня уничижительным взором:

— Ответ на вопрос, будь добра — его голос вибрирует черным гневом.

— Хотя бы элементарного уважения.

— Уважения? — повышает голос и встает. Неожиданно бьет кулаком по столу, и я вздрагиваю. — А ты меня уважаешь?

— Это не я тебе изменяю и не тебе пишут мои любовники про то, где твоя гордость! — возвращаюсь к столу и поддаюсь с оскалом неприязни в его сторону. — Держи своих потаскух на коротком поводке, милый, если не планируешь обрадовать меня разводом. Я не хочу быть в глазах других терпилой. Если она написала мне, то может пойти и дальше в борьбе за любимого.

— Я решу этот вопрос, — сжимает кулаки, обходит стол размашистым шагом и идет мимо.

— Ты сильно ее не тирань...

Замирает у двери и оглядывается. Сколько в нем ярости, эмоций и жизни. Я его таким еще не видела.

— И не забудь о резинке, — с трудом выдерживаю его взгляд. — А то ты сейчас на взводе, милый.

— Закрой свою пасть... — хрипло и прерывисто выдыхает.

— И что ты сделаешь?

— Заткну твой рот и отымею на этом столе. Без резинки, Вика, — скрипит зубами, — с презрением и отвращением, но дети не возникают из воздуха, увы.

Шарюсь рукой по столу и стискиваю ручку. Он не посмеет. Меня окатывает холодный ужас перед бледными супругом, чьи глаза горят угольками ненависти.

— У тебя одна задача, Вика. Быть хорошей женой, а хорошие жены ведут себя тихо, — прерывисто шепчет. — Ты все уяснила? Мое терпение на исходе, Вика. Не можешь держать себя в руках, так я тебя воспитаю. Помнишь слова своего дяди на нашей свадьбе?

Не дожидаясь от меня ответа, выходит и хлопает дверью. Я помню слова дяди. Они въелись в мой мозг и теперь сочатся гноем.

“Идеальную жену можно воспитать, Валера. Все в твоих руках”

Глава 3. Это какое-то безумие

Валерий прекрасно проживет без наследства и бизнеса, который он ведет вместе с отцом, однако я понимаю его нежелание его терять в случае недовольства папули. Кто ж в здравом уме откажется от миллиардов, кучи недвижки, сети строительных компаний в крупных городах? Ко всему прочему, и мой дядя сделал его своим партнером, а он у нас владеет крупными карьерами известняка, асбеста и гранита.

Мои истерики на фоне всего этого — глупые капризы. Валерий вместе с отцом и моим дядей ворочают большими деньгами, а я тут топаю ножкой и требую развода, потому что меня не любит и не уважает муж.

— Это глупо, что вы вцепились в наш брак когтями, — говорю я дяде, который расселся на диване в нашей гостиной, как король.

— Я хочу, чтобы мое дело в итоге перешло в руки моим потомкам, потомкам моего отца и деда, которому не повезло с двумя сыновьями, Вика. У одного бесплодие, второй идиот, — дядя улыбается. — И я его хочу преумножить, расширить и утвердить. Валерий толковый мужик, но он не моей крови, а ты да. Ты родишь мне внуков. Да, твой отец не занимался твоим воспитанием и вложил в твою хорошенькую голову много глупостей. И это меня невероятно печалит.

— Он мне изменяет. У него есть любовница.

— Какая досада, — пренебрежительно цыкает.

— Пока вы приумножаете капитал, мне рожать и терпеть?

— вскидываю бровь.

— Я не думаю, что тебе делать трагедию из-за измен Валерия, — дядя недобро щурится. — Ты с ним поговорила? Сказала, чтобы он свои гулянки скрывал тщательнее?

— Да.

— Я еще сам с ним побеседую, — дядя закидывает ногу на ногу и покачивает носком туфли. — Тебе не стоит беспокоиться об этом, Вика. Лучше расскажи, как твое здоровье?

— Ты спрашиваешь, когда тебе ждать новых потомков?

— Дети — это счастье и семья должна быть большой.

— Тебе-то откуда знать, что дети — это счастье? Раз такое счастье, что ж не усыновил никого?

— И в довесок получить сомнительные гены? — удивленно вскидывает бровь.

— Так и у меня с ними беда, — невесело усмехаюсь. — Отец у меня был идиотом, по твоим словам.

— Но он не был алкоголиком, наркоманом, игроманом и по-своему был успешен, — скалится в улыбке. — И он ведь стал даже дирижером, а это подразумевает под собой, что в нем была жилка руководителя. И, кстати, раз зашел разговор об изменах...

— Остановись, — дрожащим шепотом отвечаю я. — Это неправда. Мать все это придумала. Ясно? Придумала, чтобы в который раз его очернить в моих глазах.

— Как часто он бывал дома? Как часто ты его видела и как часто ты с ним проводила время? — дядя похож на крокодила сейчас.

— Прекрати...

— Он крутил роман с молоденькой скрипачкой, Вика.

— Это ложь! — я вскакиваю на ноги. — Вы все его ненавидели!

— Это он всех ненавидел, — дядя поднимает взгляд. — Обидчивый, эгоистичный и капризный идиот. И сейчас я в тебе вижу его отражение. Тоже был всем вечно недоволен, искал себя, был не таким, как все, и что в итоге? Наглотался таблеток в номере отеля с предсмертной запиской, что его никто не понимает, и он устал от этого уродливого мира, в котором все лжецы и негодяи. А сам? Сам не был лжецом?! — дядя встает. — Да, Вика, не было у него разрыва аневризмы! Если твой отец и был идеальным папочкой, то только в твоих фантазиях. Твоя мать не была с ним счастливой!

— Зато сейчас счастлива, да? Продала свою дочь и довольна, — в тихой истерике смеюсь я. — Куда ты в этот раз ее отправил? На Бали?

— Да.

— Вы, что, любовники? — меня неожиданно пронзает страшная догадка.

Дядя развелся с третьей женой через год смерти моего отца и больше не женился, хотя вряд ли его можно назвать человеком, который может разочароваться в любви и поэтому

выбрал гордое одиночество, чтобы больше ни к кому не привязываться.

— Допустим, — холодно отвечает дядя.

— Это какое-то безумие, — падаю в кресло и накрываю лицо вспотевшей ладонью.

— Мы тут все взрослые люди, Вика.

— Ты развелся из-за измены с моей матерью? — тихо и в тоске спрашиваю я и поднимаю глаза. — Вы в своем уме? Вы еще поженитесь, а после потребуй, чтобы я тебя папой называла.

— Хорошая идея, — дядя садится и ухмыляется. — Кстати, прогресс налицо, Викусь. Материнство тебе на пользу. Ты не кричишь или закинулась успокоительным чаем?

— И неужели мою дочь ждет то же самое однажды? — задумчиво поглаживаю подбородок. — Неужели она в будущем будет сидеть перед Валерием, а он ей скажет, что хватит истерить, ведь с ее мужем у него большие планы по бизнесу?

— Знаешь, дорогуша, у тебя есть на руках все карты, чтобы найти общий язык с Валерой, — дядя вытягивает ноги. — Ты красивая баба, все при тебе, кроме мозгов. Да, твою ж мать, Вика!

Слышу, как щелкает замок входной двери и тихие шаги. Валерий заходит в гостиную в обуви. Меня это злит до желания крепко ругнуться и швырнуть в мужа чайником.

— Юра? — спрашивает Валерий, бросает на меня недовольный взгляд, а я отворачиваюсь. — Вика вызвала?

— Сам решил заехать, — дядя мило улыбается. — Сонечку проведать и племянницу любимую. Да и с тобой лично побеседовать в домашней обстановке, — встает, подхватывает блюдце с чашкой чая. — Ты уделишь мне время? Знаю, поздно уже, но раз я приехал, то не выгонять же меня?

Глава 4. Ты в своем уме?

— Я устал, — сажусь за стол. — Чего ты хотел?

— У тебя под галстуком у ворота рубашки пятно от помады, — Юра делает глоток чая и обнажает мелкие зубы в улыбке. — Так сразу не заметишь, но... Валер, какого черта?

Я не слышу в его голосе осуждения, лишь легкое возмущение. Включаю на ноутбуке камеру, оттягиваю галстук. Действительно, пятно от помады есть. Все-таки, мазнула. Раздраженно захлопываю ноутбук.

— Вике нервничать нельзя, — Юра опять прихлебывает чая. — Молоко пропадет от стресса.

— Она у тебя не очень понятливая, — тихо отвечаю и медленно выдыхаю.

— А ты не аккуратен. Я могу тебе прочитать лекцию о том, как скрывать свои интрижки и что в первую очередь проверять, когда возвращаешься домой. Личный опыт, так сказать, и ошибки, на которых я сам учился, — усмехается и вновь подносит чашку ко рту, но отставляет ее на подлокотник и хмурится. — Я не могу требовать от тебя верности Вике, учитывая ее характер и какие-то просто дикие установки в голове, но шлюшек своих надо прятать, Валер. Ты же и меня подставляешь. Что скажут люди обо мне, как о человеке, если твои интрижки вскроются, а я не защищу свою кровиночку? М?

— Не надо читать мне нотации.

— Кто она?

— Тебе какое дело?

— Большое, — Юра легко посмеивается, но я улавливаю сердитые нотки. — Валер, ты женат на моей племяннице. Ваш брак это и наш с твоим отцом деловой союз. Я должен знать, с кем ты связался и насколько все там серьезно. Она беременна? Или уже родила?

— Нет и нет.

— Значит, только секс?

Я молчу. Мне с Ладой легко. Было легко до разговора с Викой, а после появилось неприятное чувство тревоги, что грядет разрыв с милой студенткой, которая чуть не попала мне под колеса на велосипеде. И я не хочу этого разрыва.

— Ты издеваешься, Валер? — Юра в гневе смахивает чашку с блюдцем с подлокотника.

И Лада так горько плакала, когда я выразил недовольство ее глупым и опрометчивым поступком. Я подозреваю, что она хитрит и манипулирует мной, но у нее выходит это очень наивно и очаровательно.

— Выходит, Вика не зря беспокоится? — Юра постукивает пальцами по подлокотнику.

— Она ведь выразила тебе желание развестись, а не беспокойство. Знаешь, Юр, твоя дочь... — недовольно цокаю, — племянница... прости, в который раз оговариваюсь... Твоя племянница меня утомляет. Она не понимает сложившейся

ситуации. Она любит драматизировать...

— Твоя шлюха отправила ей фотографию, на которой ты сладенько спишь, — Юра режет слова на четкие резкие слова. — Никто от тебя, мой дорогой друг, не требует великой любви к Вике, но приличия соблюдать важно и нужно.

Бесит. Бесит, потому что Юра прав. Я расслабился, но я устал от вечного контроля. Возможно, Вика права, что стоит тратить жизнь на тех, с кем хочется быть рядом? И согласился бы я на выгодный брак, если встретил Ладу до всей этой возни?

— Ты зря меня разочаровываешь, Валерий, — Юра озадаченно массирует ухо. — И вот сижу я и думаю, как направить брак в нужном направлении... Вика — романтическая и тонкая натура. И она не получает в браке того, что ей нужно. Внимания, мужского восторга и трепета, а ты ей этого, похоже, не дашь. И я не виню тебя. Быть с нелюбимой женщиной тяжело, но ответственность ты за нее все равно несешь. Как и я. Не хочу я и ее хоронить, понимаешь?

— Не совсем.

— Мужик ей нужен, — Юра встает и деловито приглаживает лацканы пиджака.

— Что? — я чуть не хрюкаю от удивления.

— Мужик ей нужен на стороне, — подплывает к столу и холодно улыбается, — любовник.

— Что? — вновь повторяю я.

— Могу выразиться более грубо, чтобы до тебя дошло, —

прячет руки в карманы и щурится, — но я не буду сквернословить. Интрижка ее может успокоить. Согласись, не только тебе тут тяжело.

— Ты в своем уме?

— Я достаточно пожил на этом свете, и встречался в том числе и с замужними дамами, которые искали на стороне утешения. И знаешь, все они до сих пор замужем за теми же мужчинами, от которых бегали ко мне с горящими глазами, — голос у Юры спокойный, ровный и тихий. Он не язвит, а очень серьезен, как на деловой встрече. — Выпусти Викусю полетать.

Я не знаю, что сейчас чувствую. Меня аж ослепляет калейдоскоп разных эмоций от изумления до гнева. С губ срысывается смешок, за которым следует хохот.

— Я разве пошутил? — Юра перекатывается с пяток на носки.

— Надеюсь, что да, — смахиваю выступившую от дикого гогота слезу со скулы.

— Я понимаю, — щерится в улыбке, — мужское эго негодует, но чего не сделаешь ради бизнеса, новых крупных сделок и выгодных связей, да? Обсуди этот вопрос со своим отцом.

— Ты на что намекаешь? — я медленно встаю.

— Сегодня день чудных открытий для двух птенчиков, — охает Юра. — Валер, ладно Вика - дурочка, но ты?

— Ты, что, с моей матерью...

— Я? — прикладывает руку к груди. — Нет. Что ты. Но у нее есть фаворит с молчаливого согласия твоего отца. Около десяти лет, если не ошибаюсь.

— Ты лжешь... — шепчу я.

— Нет, — беззаботно посмеивается. — Этому меня папа научил. Он в свое время говорил: надо знать о врагах всё, но о друзьях еще больше.

— Кто он?

— А тебе какое дело? — Юра с улыбкой возвращает мне мой же вопрос, разворачивается и неторопливо шагает к двери. — Я к Сонечке загляну и пойду. Поздновато уже.

Глава 5. Никакая

— Только не разбуди, — в тихом негодовании шепчу я, когда дядя наклоняется к кроватке в полумраке.

— Мамка у тебя сегодня злая, — шепчет он с улыбкой. — Обычно грустная, но сегодня злая. Прогресс у нашей мамочки, Соня. Злость толкает вперед, но важно, моя сладенькая, идти в правильном направлении.

Соня покряхтывает в ответ, а затем приветливо агукает. Это несправедливо. Дядя ей очень нравится и она всегда улыбается, когда видит его рожу.

— Привет, моя хорошая.

— Все-таки разбудил, — зло шепчу я.

— Бу-бу-бу, — дядя передразнивает меня и бессовестно берет Соню на руки. — А вот ты у меня не такая, да?

Соня улыбается, глазки щурит и язычок высовывает. Хочу отобрать ее у дяди, убежать и спрятаться. Ничего хорошего от него не жду. Он и ей уже, наверное, выгодного жениха подыскивает.

— Через пару дней, когда вернется твоя мама, будет семейная фотосессия, — дядя вышагивает по комнате, показывая Соню.

— Опять?

— В смысле опять? — разворачивается ко мне. — Соня подросла. И нам всем в наши фотоальбомы нужны новые

фотографии, поэтому найди время и выберишь за платюшками там, туфельками, — сюсюкает в лицо Сони, — и этой красавице тоже обновочки купи. Ты же тоже любишь быть красивой?

— И вновь претворяться на камеру, какие мы все счастливые, дружные и классные, да? — устало смотрю на дядю. — Тебе самому не тошно от всего этого обмана? От этого театра абсурда?

— Ты слышала об аффирмациях и визуализации своего счастья? — дядя вновь шагает по детской от двери до окна, а Соня тянет к его лицу пухлые ручки.

— Так ты визуализируешь наше семейное счастье?

— А еще очень приятно гостей развлекать всеми этими фотографиями, — он смеется. — им из вежливости придется любоваться на то, как красиво я живу. Да и как не похвастаться такой булочкой?

Соня согласно агукает и зевает, чем доводит дядю до дикого восторга, которому я не верю. Во-первых, я знаю, что он ждал мальчика, а, во-вторых, он не считает, что она должна расти в спокойной и счастливой семье.

Дядя принюхивается и обескураженно шепчет, заглядывая лицо Сони:

— Кто-то обкакался?

Соня расплывается в улыбке и сучит ножками. Наивное глупое дитя, которое не знает, что ее в руках держит чудовище.

— Тебе пора, — мягко, но решительно забираю Соню из рук дяди.

Кладу ее на пеленальный столик, а дядя приваливается плечом к стене, наблюдая за тем, как я расстегиваю бодик, отклеиваю липучки на подгузнике.

— Уходи, я тебя умоляю, — шепчу я в бессилии и аккуратно убираю из-под зевающей Сони подгузник.

— Великая красота скрывается в матерях, — тихо отзывается он.

Впечатать ему грязный и дурнопахнущий подгузник в его циничное рыло? Поднимаю глаза.

— Какой красноречивый взгляд.

— Заткнись, — медленно сворачиваю подгузник и выкидываю его в урну. — Совести у тебя никакой.

— Ты маме не звонишь уже неделю, а ее звонки сбрасываешь, — дядя скрещивает руки на груди. — Она волнуется.

— Не хочу слушать, как ей нравится на Бали, и как ты ее балуешь, — приподнимаю ножки Сони и протираю ее влажной салфеткой. — Боже мой, какая и тупая, — перевожу взгляд на дядю, — он же мне чуть ли не открытым текстом говорила, что спит с тобой.

— А ты не хочешь отдохнуть? — дядя игнорирует мою короткую осуждающую тираду. — На недельку к морю? С няней, чтобы ты смогла погулять, отдохнуть, ножки помочить в воде?

— Нет.

— Подумай об этом, — приобнимает за плечи и чмокает в висок, а меня всю передергивает. — Сменить обстановку будет полезно.

Бесшумным и мягким шагом выходит, а я закрываю глаза, коснувшись груди Сони ладонью. Ради нее я должна быть сильной. Без меня ее сожрут, пережуют и выплюнут.

— О чем вы говорили? — раздается шепот Валерия, когда укладываю спящую Соню в кроватку.

Я включаю радионяню, шагаю мимо него и покидаю детскую..

— Вика, — Валерий следует за мной мрачной тенью.

— Через пару дней семейная фотосессия, — останавливаюсь возле своей спальни и разворачиваюсь к Валерию.

— А еще?

— Тебя что-то конкретное волнует? — в свете тусклых бра его черты лица заострились.

— Что он еще сказал? — глухо шепчет он.

— В отпуск хочет меня отправить, — пожимаю плечами. — Говорит, смена обстановки пойдет мне на пользу.

— Когда?

— А когда надо? — отвечаю вопросом на вопрос и тут же приподнимаю бровь. — Постой, Валера, у тебя же деловая поездка, да, через неделю?

Его глаза вспыхивают злостью.

— Так это не деловая поездка? Да? — коротко усмехаюсь. — Подожди... — обескураженно моргаю. — Так ты сам в

отпуск собрался, что ли? Со своей девочкой? Боже... — мое лицо кривится в гримасе отвращения, но я затем улыбаюсь. — А куда собрались?

У меня в груди растекается черная зловонная лужа презрения к Валерию.

— Так мне ждать от твоей шлюхи фотографий с яхты? Или снимок, как ты ее имеешь на песчаном берегу?

Стискивает пальцы на моей шее. Вот уж приплыли. Меня сейчас задушат, однако Валерий не переходит ту грань, за которой меня ждет асфиксия или обморок от нехватки воздуха. Когда он резко поддается ко мне, чтобы поцеловать, я в ответ крепко стискиваю зубы и поджимаю губы. Замирает в нескольких миллиметрах, и я хрипло шепчу:

— Не смей. Сначала справки, что ты ничего не подцепил, после высчитанные дни овуляции, и только потом ты на меня наскочишь, а месячные у меня еще нерегулярные. Я не подпущу тебя к себе ради холостых выстрелов.

— Да кто тебя спрашивать будет, — впечатывает в стену, глядясь в глаза, а я цепенею от ужаса, что он может пойти на насилие. — Но я согласен, если уж на тебя наскакивать, то только ради детей. Ты же как женщина никакая.

В сердце вонзается игла обиды, и это меня обескураживает до онемения. Разжимает пальцы, убирает руку и отступает.

Разворачивается, шагает прочь и спускается на первый этаж. Доносится приглушенный хлопок двери, и заползаю в

спальню. Оседаю на пол, всхлипываю и прячу лицо в ладонях. Слышу визг шин. Что я творю? Я же его сама толкаю в объятия другой женщины.

Глава 6. Даже не пытайся

— Что-то случилось? — спрашиваю я Елену, моего гинеколога, которая неожиданно попросила приехать утром после того, как у нас с Валерием случилась размолвка у дверей моей спальни.

Он, кстати, уехал и не вернулся. Я ночь не спала и хотела написать его любовнице, чтобы уточнить, а у нее ли он проводит ночь, но не стала. Это было бы унижительно. Конечно, он у нее. Где же ему еще быть?

К утру я подумала, что я зря так себя веду. Вдруг он попал в аварию и сейчас лежит в больнице?

— Ваш муж выразил беспокойство, что вы можете... ммм... — Елена немного мнетя, и я вижу, что ей передо мной очень неловко. — Он мне ночью позвонил, Вика.

— Так? — я вскидываю бровь.

Живой и целый, значит. Мои фантазии с аварией теперь мне кажутся не такими уж и страшными.

— Да, позвонил и... В общем, заявил, что вы можете...

— Что могу?

— Что вы можете быть против новой беременности, — складывает ладони на столе лодочкой и серьезно смотрит на меня, — и прибегните к различному роду ухищрениям.

— Любопытно, — сдержанно улыбаюсь я, а сама уже готова найти Валерия и переехать его пару раз на дорожном

катке.

Вот козел. Беспокойство выразил. И ведь не зря выразил, урод. Нарастает желание разгромить в ярости светлый кабинет в щепки.

— Вика, мне запретили вам способствовать в этом, — Елена слабо улыбается. — И ваш супруг потребовал, чтобы я в случае подозрительных анализов крови... Короче, никаких гормональных таблеток, пластырей, уколов или спиралей. Вы, конечно, можете обратиться в другую клинику, но в случае проблем с зачатием любую контрацепцию можно выявить. Через анализы, если это гормоны, или узи, если это спираль.

Меня охватывает дрожь черного гнева и ненависти. Я инкубатор, и мне не позволят даже телом своим распоряжаться, и в самое ближайшее время, когда я приду в норму, чертов бык-осеменитель покроет меня.

— Когда он вам позвонил?

— Около трех часов ночи, — Елена вздыхает. — Если честно, он меня очень напугал. Я думала, что с вами что-то стряслось...

— А разве не стряслось? — горько усмехаюсь я.

— Я понимаю, — Елена опускает взгляд. — Слышать такое...

— Я должна была ожидать подобного, — встаю и оправляю юбку. — Ничего нового. В этот весь Валерий. Он еще что-нибудь вам сказал?

— Да, — Елена поднимает блеклый взгляд. — Сказал, что сменить клинику и врачей не составит труда, если я посмею быть несговорчивой.

— Я прошу прощения за его слова, — перекидываю сумочку на другое плечо. — Он в последнее время очень несдержан. Возможно, проблемы в бизнесе. Вот и срывается на других.

— Вам не стоит извиняться, — Елена смотрит на меня с жалостью, от которой мне липко и тошно.

Тогда после первой встречи с Валерием мне стоило не бежать, а прыгать с крыши, а перед этим еще вены вдоль резануть и наглотаться таблеток, чтобы точно не спасли. Сейчас же идти на отчаянный шаг к смерти я не имею права. В коридоре клиники меня ждет Мария с коляской, а в ней спит Соня.

Мой муж — чудовище. У него есть женщина для любви, солнечных отпусков, теплого отдыха на шелковых простынях, и есть жена для рождения наследников и реализации своих королевских замашек.

Я выхожу к Марии, на руках которой агукает Соня и тянет ко мне ручки. Вот как так получается, что два человека, которые терпеть друг друга не могут, родили такое милое и улыбчивое солнышко? Как от семени мерзавца появилась моя сладкая Сонечка?

— Все в порядке? — обеспокоенно спрашивает Мария, когда я забираю у нее Соню.

— Да, — прижимаю к себе дочь и медленно плыву по коридору. — Все хорошо.

Ясное дело, что Валерий обязательно расспросит нашу няню о том, как прошла моя незапланированная встреча с Еленой и какой я вышла из ее кабинета. Почему он так не контролирует свою любовницу, как меня? И ведь не будь ее сообщений, то наше болото нелюбви не забурлило так сильно.

Я же почти смирилась с жизнью тихой и унылой жены, которая рождает по приказу и находит счастье в детях. Они же меня задавили, загнали в угол и не появившись на горизонте наглой идиотки, то жили бы мы дальше в хронической неприязни друг к другу, но она обострилась, потому что я посмела возмутиться, какого черта мне пишут любовницы и ткнула Валерия рожей в его слабость. Он тоже заложник обстоятельств, родительской воли и ему это очень не нравится.

Вместо того чтобы взбунтоваться против отца, он свой гнев обращает на меня. И интересно, прилетело ли любовнице хоть чуток его недовольства? Сомневаюсь. Как он к ней поскакал на ночь глядя сбрасывать напряжение и за порцией ласки и утешения. И вернется ли он сегодня домой, или милая красавица его удержит возле себя?

Глава 7. Острый осколок

— Валер, — Лада прижимается ко мне и пробегает пальчиками по моему животу. — Ты все еще на меня злишься?

Я молчу. Если я и злюсь, то на Вику. Это она меня бесит и раздражает до скрежета зубов.

— Тебе не стоило писать моей жене, — отвечаю шепотом.

— Прости, — едва слышно отзывается. — Я просто хочу, чтобы ты был рядом, и ты рядом.

Закрываю глаза. Какое же это удовольствие лежать в кровати с женщиной, в объятиях с которой тебе тепло и спокойно.

— Валер...

— М?

— Я больше жизни хочу быть с тобой, — пробегает пальчиком вокруг пупка. — Хочу ребеночка родить. Сыночка...

— Лада... — сглатываю. — Мы это уже обсуждали. Не тяни из меня жилы. Дети... У детей должны быть мама и папа...

— Валер, я хочу быть с тобой вместе, — садится и печально заглядывает в лицо. — Мы ведь можем быть вместе. Можем быть счастливыми. И я приму твою дочку, как свою. Я буду ее мамой.

— Но у моей дочери есть мать, — устало смотрю на Ладу, в глазах которой застыли слезы.

— Тогда пусть будем только ты и я. Валер, я хочу семьи. Ты мне предлагаешь быть любовницей долгие годы?

И тут в груди просыпается гнев уже на Ладу. Я встаю и подхожу к окну, раздраженно взъерошив волосы.

— Я ведь не об этом мечтаю, Валер, — жалобно всхлипывает, и злость меняется на что-то муторное и черное.

На чувство вины? Тоску? Я тоже хочу, чтобы все было иначе.

— Я ведь тебе говорил, — смотрю на пушистые облака, что плывут над крышами домов, — и не обманывал, что женат. Лада, я тебе не Вася с соседней квартиры, понимаешь?

— То есть мне так и быть в стороне и наблюдать, как другая женщина рождает тебе детей, а самой лишь наслаждаться нашими редкими встречами?

Может, плюнуть на все и рискнуть? Рискнуть ради уютного счастья и семьи, в которой мне будет хорошо и спокойно? Поддаться своей слабости и эго, которое считает, что я достоин ласковой и любящей женщины, с которой я воспитаю Соню и рожу новых детей?

Но в мой внутренний диалог вступает рациональный Валерий, который заявляет, что я потеряю слишком много, а итог будет непредсказуем и риски большие. И никто не оценит моего порыва быть с любовницей. Я буду взбалмошным идиотом, которого лучше убрать из игры, а то он из-за эмоциональности натворит дел и все просрет.

— Валер, — Лада целует меня между лопаток, обнимает

и прижимается к спине. — Вместе мы справимся.

— Зачем ты написала моей жене?

— Я же ответила...

— А меня не удовлетворил этот ответ, — разворачиваюсь к Ладе и поднимаю ее хорошенькое лицо за подбородок двумя пальцами. — Ты же не глупая девочка и прекрасно понимала, что не она решает, уйду ли я из семьи или нет.

— Валер... — тянется, чтобы поцеловать, но я отстраняюсь.

— Ты меня подставила, Лада. Ради чего?

— Я хотела, чтобы она знала о моем существовании, — по щеке скатывается слеза. — Не подозревала, а знала. Я не хочу быть в тени, Валер. Я тебя люблю, и стала частью вашей с ней жизни. Ты уходишь от меня к ней, ложишься в одну постель...

Наивная девочка. Ничего не знает и не понимает. Мы ведь с Викой даже одной ночи не провели в одной кровати. У нас отдельные спальни и нет общего супружеского ложа, в котором мы бы могли засыпать и просыпаться.

И это было условие Вики. Разные комнаты, и я согласился, потому что это было разумно. Так же разумно, как и расходиться после близости, в которой не было поцелуев, объятий и удовольствия. Я испытывал только облегчение, что акт завершен и Вика сейчас встанет, чтобы оставить меня в одиночестве.

Однажды она задержалась, накрыла мою руку ладонью, а

я попросил ее уйти. Она тихо извинилась и вышла. После подобного не повторялось. Почему я сейчас об этом вспомнил? И какого черта этот осколок этого воспоминания такой острый и будто смазан ядом?

— Валер?

— Мне пора, — шагаю к комоду. — У меня через час встреча.

— С женой?

— Нет, — раздраженно подхватываю рубашку и оглядываюсь. — С отцом, Лада, и кучей других людей, которые у него в подчинении.

— Ты вернешься? — с надеждой смотрит на меня. — Обещаю, я больше не буду тебя злить. И я приготовлю ужин.

Глава 8. Ути-пути

— Вы кто? — тихо и испуганно спрашиваю я жуткого мужика, за спиной которого стоят два молчаливых бритоголовых бугая.

Грузный, широкоплечий и лицо одутловатое, а маленькие глаза будто стеклянные, а за ними точно притаился кто-то очень холодный, скользкий и жестокий.

— Юрий Витальевич, — улыбается и беспардонно входит в квартиру, твердо отодвигая меня в сторону рукой. — А вы, юная особа, Лада?

— Да, — сглатываю и шепчу, — уходите... немедленно...

— Ути, бози мой, — смеется, — уходите. Ми-ми-ми.

— Я полицию вызову...

Один из бугаев выхватывает из моих рук телефон и прикладывает палец к своим губам, требуя тишины.

— Выдохни, куколка, — Юрий Витальевич оглядывается, — я с миром. Пока с миром, поэтому не советую выводить меня криками и истериками. Они меня раздражают.

Деловито заглядывает в каждую комнату, как у себя дома. Молчаливые громилы следуют за ним по пятам.

— Уютненько, — подытоживает Юрий Витальевич и шагает на кухню. — Ладочка, сделай мне чаю.

— Что?

— Что слышала, — его тон становится холодным и пре-

зрительным, — гостей принято поить чаем.

— Но кто вы...

Усаживается за стол, откидывается на спинку стула и поднимает взгляд:

— Валера тебе эту квартиру снимает или купил?

— Он что-то натворил?

— Да, — обнажает зубы в улыбке, — он изменяет моей племяннице с тобой.

Отступаю и бледнею. Вот черт. Валера поэтому так расвирился после сообщений, которые я отправила его женушке?

— Ну, снимает или купил? — вскидывает бровь. — Хороший район и очень дорогой. Элитный. Хотя... постой. Этот жилой комплекс, вроде, построил его отец, да?

— Я не знаю...

— Что ты не знаешь?

— Он просто привел меня сюда...

— А ты и рада? — Юрий Витальевич хмыкает.

— Я его люблю, — сирым шепотом отвечаю я.

— Естественно, — клонит голову набок, — как не любить богатого, молодого и красивого жеребца? Да?

— Он не любит вашу племянницу... — говорю я и закусываю кончик языка до боли.

— О, милая, дело не в любви, а в чем-то другом. Так, чая мне не дожидаться, поэтому сядь, а дядя Юра сказочку расскажет. Да не трясись ты так, господи. Я тебя, дрянная такая,

насквозь вижу. Любит она его... Сядь! — бьет по столу кулаком.

Я вздрагиваю и сажусь, поджав губы.

— Это дядя Юра, — подхватывает солонку и ставит перед собой. — А это, — берет перечницу, — дядя Аркаша. Знаешь, кто такой дядя Аркаша?

Я несколько секунд молчу и неуверенно отвечаю:

— Отец Валеры.

— Верно, — ставит перечницу напротив солонки. — Так вот. Дядя Аркаша у нас строит домики. Много домиков по всей стране. Не только домики, но торговые центры, даже заводы и прочие объекты. Наш дядя Аркаша очень старательный, упертый и большой молодец. Все понятно пока?

Киваю, и Юрий Витальевич продолжает:

— И дядя Аркаша строит все эти домики из кирпичиков, камушков, бетона и других важных штук. И вот эти все кирпичики не растут на деревьях, верно? Поэтому дядя Аркаша дружит с дядей Юрой, который у нас много копает. Копает разные большие ямки, из которых добывает песочек, камушки и многое другое и поставляет дяде Аркаше, чтобы он строил домики. Очень хорошая и полезная у нас дружба, да?

Я опять киваю. И мне страшно, потому что Юрий Витальевич не моргает, глядя на меня.

— Но дядя Юра и дядя Аркаша не бессмертные, и они хотят, чтобы кто-то продолжил копать ямки и строить домики. Это же хорошее желание?

— Да... — сипло отвечаю я.

— Оставлять ямки и домики чужим людям не хочется. У дяди Аркаши есть сынок, а дяди Юры племянница. И вот они посидели и решили, что дружба может стать чем-то большим. Дружба может перерасти в большую и сильную семью с крепкими связями и обязательствами. Друга можно опрокинуть, а вот родственника уже нет. Все наши камушки, кирпичики, домики могут унаследовать наши внуки и правнуки, поэтому Валерочку, — высыпает из перечницы черный молотый перец, а затем из солонки соль, — мою Викусю, — смешивает перец и соль, — мы решили поженить.

Отставляет солонку и перечницу и поднимает равнодушные глаза:

— Пока все понятно?

— Да, — прячу руки под стол.

— Какая понятливая, — обнажает зубы в улыбке. — Прелесть. Тогда перейдем ко второй части сказочки, а она будет посложнее, поэтому ушки наострила и внимательно слушай.

Глава 9. Сказочник

— Итак, — Юрий Витальевич постукивает пальцами по столешнице. — Вот теперь Валерочка топает ножками. Ему Викуся не нравится, ему по душе другая девочка. Девочка Лада. Она такая милая, красивая и очень-очень его любит. В жопу ваши кирпичики и домики, да? Понимаешь, к чему я клоню?

— Не совсем...

— Уйдет Валерочка к девочке Ладе, и потеряет Валерочка семейный бизнес. Гололопым он, конечно, не останется. Есть у него свои какие-то дела, но все это не сравнится с тем масштабом, к которому его сейчас готовят дядя Аркаша и дядя Юра.

Юрий Витальевич замолкает и переводит взгляд на холодильник, на котором висят несколько ярких магнитиков из Фиджи, Монако и Франции. Сжимаю вспотевшие ладони. Ясно ведь, кто меня радовал отпусками. Хмыкает и вновь равнодушно глядит на меня:

— Ради любви можно и от всего мира отказаться, но что потом? А? А я тебе скажу, куколка. Черная, мать его, депрессия и разочарование. Валера привык к нынешнему уровню жизни, высокому социальному статусу и огромным деньгам. Да, можно предположить, что дядя Аркаша смилостивится над сыном и примет его обратно, но тут появится дядя Юра,

а дядя Юра не прощает подобной херни, и дядя Аркаша это знает, потому что сам такой же. Ты влезла, тупая дрянь, в логово чудовищ, которые, идиотка ты пустоголовая, своих маленьких чешуйчатых монстриков свели вместе не для того, чтобы какая-то нахалка с коровьими глазами попыталась пролезть к горе золотишка под соусом великой любви.

— Но я его действительно люблю...

— Ты Валеру можешь получить, Ладочка, — Юрий Витальевич поддается в мою сторону и щурится. — Да, можешь. Можешь выйти замуж, можешь нарожать ему его выродков, но что за этим последует?

— Я ему все расскажу, что вы мне угрожали....

— Я думаю, Валерий и так знает, что попытка соскочить с крючка, будет ему очень дорого стоить. И я не угрожаю тебе. Я тебе поясняю, куда ты сунула нос. И я не говорю тебе, Ладочка, рвать с ним отношения, а то я тебя отшлепаю. Нет, кувыркайтесь, веселитесь, наслаждайтесь друг другом, но теперь ты в курсе, что весь успешный успех Валеры зависит от его брака с моей Викусей, которая тоже спит и видит, как Валерочка сваливает из ее жизни. Такой красивый, дерзкий, резкий, и уверовавший в любовь.

Если бы я знала, что ко мне заявится дядя Юра с двумя вышибалами, то я бы не стала писать жене Валерия. Я же думала, что там просто тупая курица-наседка.

— И ведь мне теперь самому очень любопытно, восторжествует ли любовь? — Юрий Витальевич встает. — Но как

показывает мой жизненный опыт, у многих людей превратное понятие о любви. И она очень мстительная стерва, Лада.

— Любовь — это о принятии...

— Вот и сиди себе в загоне, гадина, принимай и люби Валерия, сколько тебе влезет. — наклоняется и в ярости всматривается в лицо. — Ты любовница, Ладочка, и знай свое место.

— Я же вам ничего не сделала...

— Все-таки сказочку ты не поняла, — шипит в лицо. — Ты влезла в семью, которую я создал. Ясно? Это мой проект, мое детище. Я, Лада, выбрал Валерия в мужа Вике, и теперь я начинаю сомневаться в своем выборе, потому что он включил сопливого подростка, который хочет любви. С таким подходом ему нельзя ничего доверить. Если он свою потаскуху не может утихомирить и поставить на место, то он просто все испоганит в итоге. И ты ему ничего не можешь дать, кроме рабочего рта и сисек.

Я возмущенно охаю.

— Хочешь сказать, что это не так? — зло щурится. — Ты его бабки тратишь на брендовые шмотки, салоны, косметологов и гулянки. Счет у тебя пустой, ты ничего не откладываешь, не копишь и в университет дай бог раз в неделю заглядываешь, чтобы посвятить новой сумочкой перед другими такими же курицами. Курсовые ты сама не пишешь, а заказываешь, даешь взятки преподавателям за хорошие оценки.

Нервно приглаживает волосы, скрипит зубами и продолжает:

— Ты паразитка, Лада, и твоя любовь будет длиться до тех пор, пока есть что сосать из мужика. И да, на любовниц очень приятно тратиться, потому что это легкий способ получить восторг от другого человека. А ты, мать твою, попробуй удивить озлобленную женщину, которая игнорирует твои бабки и статус. И, ежа ему в жопу, знаю, что она точно пыталась с ним поладить. Знаю это. Я видел это в ее глазах.

И мне обидно. За себя. Я не паразитка. Я даю Валерию свое внимание и ласку, в которой он нуждается.

— Кстати, можешь Валерию и не говорить о моем визите, чтобы не портить вашу идиллию, — шагает прочь. — Тут уже на твой выбор, как быть, но я должен был на тебя поглядеть.

— А вы что не скажете, что были тут? — удивленно охаю.

— Я перед ним не отчитываюсь, — оглядывается и щерится в улыбку, — и как же ты теперь сыграешь, Лада?

Глава 10. Где ваши чувства?!

Ненавижу все эти семейные фотосессии, на которых надо улыбаться и изображать милую скромную женушку рядом тем, кто не ночевал дома двое суток. И Валерий тоже натягивает на лицо улыбки, приобнимает меня, держит на ручках нарядную Соню, а фотограф скачет вокруг нас и все ищет удачный ракурс.

— Так, — цыкает он и окидывает нас цепким взглядом. — Кресло тащите сюда.

Двое испуганных ассистентов исполняют его приказ. Я перевожу взгляд на скучающего дядю, а после на загорелую мать. Она мне очаровательно улыбается. Затем смотрю на свекров, которые расселись на софе и чинно попивают кофе. У зеркала в углу гостиной своим отражением занята тетя Валерия и придирчиво разглядывает жемчужное кольцо и серьги.

— Малышку в кресло, — командует фотограф, — а вы за кресло.

— Может, достаточно нас снимать? — устало спрашиваю я.

— Все не то, — фыркает он в ответ.

Валерий аккуратно усаживает Соню в кресло, обкладывает ее подушками, а она недовольно кряхтит.

— Ну, что ты? — ласково воркует Валерий, сидя на кор-

точках перед креслом, и вручает в руки Сони погремушку.
— Пару снимков отщелкаем и...

— Она тебя не понимает, — сердито отзываюсь я.

Валерий поднимает хмурый и темный взгляд, выдыхает через нос и поднимается на ноги.

— Давайте, встаем рядышком, — командует фотограф.

Несколько снимков, и он убирает от лица огромный фотоаппарат.

— Вы как куклы. Неживые. Так не пойдет, — смотрит на Валерия. — Мне нужны эмоции, чувства! Жизнь! Любовь! Скучные снимки с рожами, как кирпичи, давно в прошлом! Дайте мне настроение!

Несколько щелчков, и Валерий неожиданно рывком привлекает меня к себе и касается губами шеи. Да, мог бы быть очень трогательный и нежный момент, который бы раскрыл на фотографии тонкую близость между нами.

На несколько секунд я теряюсь. Тихие щелчки затвора фотоаппарата меня оглушают, после окатывает волной липкой слабости, и я отталкиваю Валерия. Отступаю, прижав пальцы к шее, будто я обожглась.

Щелк...

Щелк...

Щелк...

Глаза Валерия горят черной ненавистью ко мне. С таким взглядом жестоко убивают врагов. Родственники молчат, смотрят на нас, затаив дыхание и учуяв звенящее напря-

жение между нами. Подхватываю хныкающую Соню на руки и торопливо стучу каблуками прочь:

— Достаточно.

Дядя провожает меня цепким и внимательным взглядом, от которого меня мутит. Выхожу в просторный холл, на потолке которого сверкает многоярусная хрустальная люстра, и выскакиваю на крыльцо. Соня шмыгает, всхлипывает и готова вот-вот разреваться.

— Тише, моя милая, тише...

Спускаюсь по мраморным ступеням. Господи, я должна бежать. Хоть куда-нибудь. Меня опять накрывают вспышки паники, в которых я пробыла эти два дня. Я в клетке. С толстыми прутьями и замком, ключ от которого лежит в руке дяди, и мои попытки побега будут безуспешны. Я знаю это. Знаю. И нет никого, кто бы пришел и помог мне вырваться из плена, в котором я сойду с ума.

— Вика! — раздается голос мамы позади, а ко мне подсакивает Мария и мягко, но решительно забирает Соню.

— Нет... — я хочу кинуться на нее, но она ласково улыбается и касается щеки теплой ладонью.

— Все хорошо, — шепчет она. — Я ее успокою и верну. Верну, Виктория. Все хорошо.

Я вынырываю из дурмана страха. Соня заливается криками и рыданиями. Я судорожно выдыхаю, и Мария медленно пятится, укачивая мою дочь, визги которой я не слышала, и скрывается в тених небольшой и уютной кипарисовой ал-

лейке, напевая простую, но нежную мелодию.

— Вика! — ко мне спешно и на цыпочках бежит мама.

— Постой!

Глава 11. Я в аду, мама

— Оставь меня, — шепчу я.

— Да что с тобой?

— Со мной? — я сглатываю и смеюсь. — Со мной? Я в аду, мама. В самом настоящем аду. У него любовница, он не ночует дома, а после своей шлюхи, — делаю к ней шаг, — лезет ко мне с поцелуями. Что со мной не так? Даже не знаю, мама.

— Возьми себя в руки, — стискивает мои плечи и мягко встряхивает, сердито прищурившись.

— Ну да, — хмыкаю я. — Ты же сама была и есть любовница. Тебе вся эта грязь понятна и близка к сердцу. И каково это? И как долго ты была на вторых ролях? До смерти отца вы уже прятались по углам?

Мама молчит, поджимая губы, что меня удивляет, ведь я ожидала, что она начнет парировать тем, что папа сам гулял. И да, я сейчас думаю, что ходил он налево. Я эти два дня перебирала в голове воспоминания о нем, и поняла, что его всегда не было дома.

Он то на репетициях, то на гастролях, то еще где-то. И мама тосковала, плакала, а однажды куда-то на ночь глядя убежала и вернулась никакая. На следующий день вся наша небольшая квартирка была в цветах, которые притащил папа. Мне тогда было тринадцать, а через пару случились ме-

сяцев похороны. И тоже с кучей цветов.

И тогда мама не плакала, за нее это сделала другая. Я уже не помню ее лица, но ее крики, когда охранники дяди тащили ее прочь с кладбища, въелись в память.

— Ты его любишь? — шипит мама в лицо.

— Что? — недоуменно моргаю я.

— Не дадут вам Юра и твои свекры разбежаться, Вика, из-за истерик, — скрипит мама зубами. — Не дадут. Не ставь себя под удар. Есть множество способов привести женщину якобы в чувство.

— Ты на что намекаешь? — я улавливаю в голосе мамы предостережение.

— Ошибаться, идти на поводу своих капризов, эгоизма должна не ты, Вика, — шепчет мама. — Включай голову, моя милая, но если ты его любишь, то разговор у нас должен быть другим.

— Да как его можно любить? — обескураженно отвечаю я.

— Тогда какого черта ты ведешь себя, как старшеклассница, у которой мальчик поцеловал другую девочку?

— У меня не было такого опыта, — отстраняюсь от мамы, отрезвленная ее злыми словами, — я же училась в женском закрытом интернате.

— Да, и это было ошибкой Юры туда тебя отправить, — мама недовольно фыркает и поправляет мои локоны, — но он боялся. Ты девочка красивая, Вика, — многозначитель-

но смотрит на меня, — но быть красивой мало. Надо быть еще хитрой. И хитрость тебе в любом случае пригодится, любишь ты или нет. Я тоже была глупой, а теперь мы вернемся, Вика. С милыми улыбками, а не оскалами.

— Мама, мне так плохо с ним, — шепчу я, и мама меня обнимает. — Он любит другую... Понимаешь, мам... Он умеет любить, умеет быть другим... И от этого знания мне тяжело... Мам, я приняла его бессердечным, холодным и равнодушным, но он только со мной такой. Мне обидно, мама.

— Вика, — шепчет мама. — Девочка моя, сделай эту обиду оружием.

— Но я ведь не такая, мам...

— Учись быть такой, — отстраняется и всматривается в глаза. — Ради себя...

— Как ты? — горько усмехаюсь.

— У меня другая ситуация, — она слабо улыбается. — Знаешь, страшнее нелюбви мужчины, может быть его любовь и одержимость.

— Ты сейчас про дядю?

— А про кого еще, Вика? — мама хмыкает. — Я не хотела быть с ним, я выбрала его брата, так он дождался его смерти.

— Господи, — прижимаю к губам пальцы, — это он его убил.

Моя обида на Валерия прячется под холодным ужасом перед дядей.

— Нет, — мама качает головой. — Он просто умеет вы-
жидать, и нам есть чему у него поучиться.

Глава 12. И полный контроль в твоих руках

— Викусь, — дядя ловит меня у уборной и тянет в закуток у окна, у которого стоит раскидистая пальмочка.

— Ты можешь меня не называть Викусей?

— А что делать, если ты для меня Викусь?

Впереди обед. После моей выходки мы с мамой вернулись. Было сделано несколько общих снимков, и фотографа с его ассистентами дядя вежливо спровадил из своего дома. Валерий сейчас с Соней, которую он бессовестно отобрал у Марии, и играет перед своими родителями примерного отца. Глаза бы ему выцарапать.

— Я тут немного растерян, — улыбается. — Испания, Италия, Франция... Куда хочешь?

— Ты опять? Соня еще маленькая для перелетов.

— Ой, не придумывай, а, — фыркает дядя. — Для эконом-класса маленькая, а для частного перелета...

— Что? — вскидываю бровь.

— На частном самолете полетите, — сердито шурится. — Со всеми удобствами, как принцессы. А для чего я бабки делаю, м?

— Просто ты жадный, — приваливаюсь к стене плечом и вздыхаю. — Слушай, я... — замолкаю и задумчиво жую

губы. Перевожу взгляд на дядю. — У него двадцатого числа поездка. Деловая...

— На недельку, да? В Питер, да? — скалится в улыбке. — На новый объект, да?

Дядя обо всем в курсе. И я не совсем понимаю, какую игру он ведет и для чего.

— Давай мы с тобой договоримся, — спокойно шепчет, глядя мне в глаза. — Если его деловые планы не поменяются, то я пришлю за вами машинку, да? Викусь, ты на грани.

— А, может, вы дадите просто развод?

— Нет, — поправляет брошь с черным агатом на моей груди и поднимает взгляд.

— Он скоро на меня полезет, — шурюсь я, — чтобы порадовать вас новой беременностью. Он звонил моему доктору с угрозами.

— Волнуется, — дядя ухмыляется, — Викусь, но в детках счастье. Давай подойдем к вопросу трезво и без истерик.

— Я ненавижу тебя.

— Я знаю, Викусь, — смеется и поглаживает меня по плечу. — Не повезло тебе с дядей, а дяде не повезло, что он бесплоден, и меня сейчас клинит. Сильно клинит на теме детей, понимаешь? В молодости я об этом не задумывался...

— Какова вероятность, что тебя так сильно переклинит, что ты у меня еще и детей заберешь? — по спине пробегает озноб.

— Ты хорошая мама, — ласково улыбается. — И я вижу,

как ты любишь Соню вопреки всему. Это восхищает, поэтому я хочу, чтобы у тебя было этой любви много.

— Как ты ловко все переворачиваешь.

— Это я умею, — кивает с польщенной улыбкой. — И вопрос зачатия можно решить нетрадиционным способом, если вас так друг от друга воротит.

Я молча вскидываю бровь.

— Спустит твой муженек в баночку, а заботливые ручки доктора...

— Остановись, — накрываю лицо ладонью, — господи, это какой-то новый уровень моего кошмара. Теперь я точно инкубатор на ножках.

— Что у вас тут? — из-за угла выныривает Валерий, который переводит подозрительный взгляд с меня на улыбчивого дядю.

Несколько долгих секунд молча смотрю на него и отталкиваюсь от стены плечом. Подплываю к Валерию, поправляю его галстук и поднимаю глаза:

— Ищи клинику для искусственного оплодотворения, милый, — поглаживаю лацканы его пиджака и похлопываю по груди, слабо улыбаюсь. — Но уже, наверное, после твоей важной деловой поездки в культурную столицу.

Скользнув взглядом, по побледневшему лицу, я вновь улыбаюсь и дефилирую прочь, тихо постукивая каблучками. Дядя одобрительно усмехается, а Валерий молчит, но в его молчании я слышу обескураженный гнев и возмущение.

— Так вроде в той клинике, в которой ты наблюдаешься,
— говорит дядя, — такие вопросы тоже решают.

— Возможно, — оглядываюсь, и Валерий разворачивается ко мне, в ярости поджав губы. — Узнай этот вопрос у моего женского доктора, Валер?

Он меня точно убьет, и его вот сейчас надо снимать на камеру, чтобы запечатлеть его ярость ко мне.

— И полный контроль в твоих руках, — дядя пожимает плечами.

Глава 13. Бык-осеменитель

Искусственное оплодотворение? Я аж немею на минуту, а Вика уходит, презрительно вскинув подбородок. Вот полчаса назад она выбежала в тихой истерике, а теперь играет хладнокровную стерву, и это Юра виноват. Перевожу на него взгляд, а он ухмыляется:

— Ты бы видел себя сейчас, Валер.

— Это ты ее надоумил?

— А что такого? — подходит и скалится в улыбке. — Хорошая же идея.

— Что ты, мать твою, творишь? — цежу в его лицо.

— Когда твои капризы уже закончатся? — Юра зло вглядывается в глаза. — Я тебе напоминаю, золотой мой, этот брак важен тебе и твоему отцу, а не только мне. И я сейчас тебе показываю, что ты теряешь контроль над ситуацией. Молодой, кровь кипит, но пора бы учиться правильно спускать пар. И да, искусственное оплодотворение — идеально решение для вас двоих, Валера. Ты же не будешь спорить, что оно рациональное. Ты ее не любишь, женщину ты в ней не видишь, и она тебя раздражает. Многие пары прибегают к такой процедуре и...

— Я вам, что, бык-осеменитель? — хрипло рычу и сжимаю кулаки.

— Ты оскорблен? — Юра хмурится и в следующее мгно-

вание хватает меня за галстук и дергает на себя, в злобе вглядываясь в глаза. — Если ты еще не понял, то вы с Викусей на равных условиях в браке. Нет у тебя никаких привилегий. Это договор между двумя взрослыми дядями, ясно? Ты наглеешь, Валера, поэтому, да, ты в каком-то роде бык-осеменитель. Может, ты еще дойдешь до роли отца, мужа и главы семьи, но пока тебя заботят другие проблемы, которые бросают тень на наш семейный союз.

Я во вспышке гнева тоже хватаю Юру за галстук. Как он меня достал и как он меня со своей племянницей бесят. Так ли мне нужны все эти деловые связи с этим наглым боровом? Одно дело деспотичного отца терпеть, а другое — чужого мужика, который пытается навязать мне свои порядки.

— Я же для тебя, пупсик, стараюсь, — рычит Юра. — Воспитываю в Викасе деловой подход к вашему браку без лишней эмоциональности и неоправданных ожиданий.

— Господа, — раздается мрачный голос моего отца. — Вы либо уже придушите друг друга или расходитесь.

Выпускаем друг друга, затягиваем галстуки и оправляем пиджаки за лацканы.

— Бабу, что ли, завел? — спрашивает папа, и с рыком разворачиваюсь к окну. — Ясно.

— Предлагаю... — говорит Юра, — я его держу, а ты его ремнем по жопе.

— Завали пасть, — клоочу я и пинаю горшок с пальмой. Напряженное молчание, и папа устало вздыхает. Без

осуждения или разочарования, и я оглядываюсь.

— Кто она? — спрашивает он.

— Какая тебе разница?

Молча приподнимает бровь, разворачивается и уходит. И это значит, что он очень зол. Вот лучше бы ремнем по жопе, честное слово. Он никогда в открытую не выражает свою ярость на кого-то, потому что считает, что человек в гневе неприятен и может показать свою слабость.

— Кризис был ожидаем, — Юра неторопливо шагает за ним.

— Может, их к психологу? — задумчиво спрашивает папа.

— Пожалей психолога, — Юра посмеивается.

— Ну, может, хоть при постороннем человеке поговорят и выяснят отношения? Сейчас это модно платить и плакаться за свои же бабки.

Останавливаются, оглядываются на меня и хмурятся.

— А пусть сами разбираются, — папа смотрит на Юру. — С нас достаточно того, что мы намекнули, что они зря бузят.

— Как бы нам потом с тобой не пришлось бузить друг против друга, — Юра расплывается в улыбке, в которой сквозит недовольство и напряжение. — Однако если ты решишь своему сыну, что он может взять себя в руки, то давай понаблюдаем.

Глава 14. Что за возню ты устроил?

— Я выхожу из всех сделок, — Валерий отодвигает тарелку и невозмутимо вытирает губы салфеткой, — выхожу из управления и совета директоров.

Я молча делаю глоток кофе. Что-то новенькое. Его так задело предложение зачать наследников искусственным оплодотворением, что он решил все-таки разойтись? Но раньше времени не радуюсь, потому что начал-то он разговор не с развода. Пусть мы с ним не близки, но я все же успела его немного узнать. Даже на грани истерики он не будет, допустим, душить меня. Так и тут.

— Я беру год, — смотрит на отца, а затем на дядю и повторяет, — беру год.

— Для чего же ты берешь год, мой друг? — дядя щурится и улыбается.

— Для себя, своего дела, — невозмутимо отвечает Валерий. — Вы же без меня справитесь в этот год? А я его потрачу...

— На свою шлюху? — не выдерживает мама и сжимает вилку, будто сейчас воткнет ее Валерию в глаз.

Говорила и учила быть хитренькой, не психовать и не совершать ошибок, а сейчас сама творит дикую дичь. Мои свекры, Аркадий и Екатерина, и дядя Юра переводят на нее тяжелые взгляды, а тетя Валерия делает вид, что в астрале и ме-

шает кофе ложечкой. Подозрительная женщина, всегда присутствует на семейных встречах, однако никогда не отсвечивает на сложных беседах.

— На данный момент я не представляю ценности, кроме как наследника, который должен наштамповать новых, — Валерий мягко улыбается. — И мне это не нравится. В мою семью лезут, плетут интриги против меня, — переводит взгляд на мою скромную персону, а затем на дядю, — угрозами других одаривают.

— Так тебе Ладочка все-таки доложила? — дядя скалится в недоброй улыбке.

Не сразу понимаю, о ком идет речь. Кому мог угрожать дядя, что Валерий возмутился его обычному поведению? Что-то он не возникал против, когда стал свидетелем того, как дядя перед нашей свадьбой обещал закрыть меня в психушке и привести в чувство. Конечно, прямо он этого не говорил, а выразился витиевато. Да, тогда он был на взводе, почти как сейчас. Улыбается, а в глазах застыл гнев.

— Нет, не доложила, — Валерий хмыкает. — Она молчит, а вот консьержка поделилась, что захаживали подозрительные мужики, которые попросили сидеть тихо, а один из них, самый пугающий погладил ее котика и попросил отвезти его в ветеринарку, а то глаза у него мутные.

Я в изумлении смотрю на дядю. Меня удивляет не тот факт, что он отыскал любовницу Валерия, а то, что котика погладил и обеспокоился его здоровьем.

— А ты ведешь дружбу с консьержами? — дядя вскидывает бровь.

— А ты любишь котов? — Валерий скалится в улыбке.

Воздух вибрирует раздражением и затаенной яростью. Говорят о котике, а тон такой словно угрожают друг другу глотки вскрыть. Прямо за столом.

— Мир полон сюрпризов, — легко посмеивается. — Так она его отвезла в ветеринарку?

— Отвезла, потому что кое-кто обещал вернуться и кота забрать.

— Ну и? — дядя вопросительно изгибает бровь. — Что у него с глазами?

— Подозрение на катаракту.

— Вы, мать вашу, серьезно? — сдавленно отзывается Аркадий и переводит взгляд с Валерия и на дядю. — Какая к черту катаракта?!

— Кошачья, — усмехается дядя и смотрит на него. — Я любил животных, а в детстве хотел быть ветеринаром. Что? Да, я сам уже в это не верю.

— Юр... — Аркадий поскрипывает зубами.

— Что? — дядя накаливает на вилку кусочек утки и отправляет в рот. Жует, проглатывает и говорит. — Я так понимаю, твоему сыну осточертели мы и Вика.

— Развод? — с тихой надеждой шепчу я Валерию.

Он смотрит на меня, расплывается в жуткой улыбке и отвечает:

— Нет.

— Да твою ж дивизию! — неожиданно рывкает его тетя.

Теперь все в удивлении смотрят на нее. Откладывает ложечку, поправляет прическу и мило улыбается:

— Извините.

— Милая, — Валерий откидывается на спинку стула и сверлит меня взглядом. — Ты и я вступили в договорной брак, и я от него не отказываюсь.

— Да ты издеваешься... — шепчу я.

— Ты и я слишком зависим от твоего дяди и моего отца, и они не воспринимают меня, как делового партнера, потому что я, по их мнению, могу только унаследовать что-то, но никак не создать и развить что-то свое.

— А такая риторика мне по нраву, — дядя хмыкает. — Надо ее серьезно обдумать.

— А теперь, — Валерий встает и с угрозой улыбается, — нам пора, дорогая.

— Что за возню ты устроил? — шипит Аркадий.

— Пришло осознание, папа, что у меня нет контроля даже в своей семье, потому что боюсь потерять твое наследие. А я не должен этого бояться, я должен беспокоиться о том, как быть ему полезным. И тут никто не должен смотреть на меня, как на капризного мальчишку.

— А как должны смотреть? — дядя подпирает лицо кулаком и щериться в улыбке.

— Как на делового партнера.

— Бинго, мой золотой, — дядя недобро щурится. — Поглядим, что получится, а не получится, то... Придется искать Викусе новую партию.

И тут я замечаю, как тетя Валерия многозначительно переглядывается с Аркадием. В голове щелкает, что там, где-то за океаном, сидит двоюродный брат моего супруга. Ну, как сидит, занимается перегоном машин. Он, вроде, был на нашей с Валерием свадьбе, но совершенно не помню его. Как же его зовут...

— Кирилл? — шепчу я, и в ужасе смотрю на Валерия. — Так ты был не единственным кандидатом?

Глава 15. Рыцарь в сияющих доспехах

— Что ты затихла? — спрашивает Валерий, постукивая пальцами по баранке руля.

Поглаживаю спящую Соню в люльке, и судорожно сообщая, что меня ждет. Если я выскочу из ловушки с Валерием, то меня закроют в новой клетке, но уже с другим мужиком, который, похоже, уже на низком старте, раз тетя Валерия за обедом не сдержала своего возмущения.

Не хочу быть трофеем, который перейдет из одних рук в другие. Ах да... Есть еще третий вариант, если я покажу зубки. Дядя отберет мою дочь и отправит в “санаторий” подлечить нервишки.

— Да, Вика, вероятно, после меня тебя торжественно передадут Кириллу, — недовольно хмыкает. — Ты же не думала, что тебя оставят в покое?

Нет, не оставят. И ситуация теперь куда хуже. У меня есть Соня, которой точно будут манипулировать.

— Зато себе ты подготовишь пути отхода, — закрываю глаза.

— Я не готовлю себе пути отхода, Вика. Я не хочу, чтобы твой дядя или мой отец продолжали лезть в мою семью и, фигурально выражаясь, стегали меня ремнем по заднице, —

говорит тихо и спокойно. — Да, инициатива свести нас исходила от них, однако я согласился на наш брак. Да без любви, без симпатии к тебе, но я согласился. Я принял условия договора, и не выйду из него, но уже не из-за страха потерять наследство.

— Да неужели, — тоскливо вздыхаю я.

— Я несу за нашу семью ответственность, — Валерий разминает шею. — За тебя в том числе, потому что ты мать моей дочери. И в наших с тобой интересах, чтобы я смог держать оборону против твоего дяди и моего отца. Они должны считаться со мной, как с мужчиной.

— Ты хочешь стать нашим рыцарем в сияющих доспехах?

— К чему это ехидство?

— Не знаю, — сжимаю переносицу. — Я устала, Валер. И если бы не ты, то на твоём месте был бы сейчас твой двоюродный брат. Меня это удручает.

— Вдруг с ним было бы все иначе? — злорадно посмеивается. — Вдруг у вас бы вспыхнула великая любовь?

— Я теперь не верю в любовь, Валер. Нет ее там, где есть большие деньги, но что самое забавное — это то, что и в простой жизни она может извратиться в ненависть. Моя мать любила отца, но за одну ночь все поменялось. Поэтому я сейчас не искрометной любви хочу, а спокойствия. И да, я дурра, что решила не проигнорировать сообщения от твоей любовницы. Я же не видела проблемы в том, что ты задерживаешься, часто катаешься в командировки, и я знала, что ты

гуляешь. И это знание было тихим. У нас с тобой до моей беременности секс случился только шесть раз, поэтому, да, я прекрасно понимала, что у тебя есть близость на стороне.

— Ты считала? — Валерий кидает беглый взгляд в зеркало заднего вида.

— Да, а ты нет?

— Зачем ты считала?

— Затем, чтобы знать, сколько раз потребуется потом. Морально себя готовила.

Гнетущее молчание, и Валерий спрашивает:

— И за эти шесть раз ты...

— Я даже не возбуждалась, Валер. Ты же смазку использовал не просто так.

— Не ну... может, в процессе... — обескураженно шепчет он.

— Нет, — отворачиваюсь к окну. — Я тебе больше скажу, я в уме считала секунды.

Опять молчание.

— И, кстати, морально я еще не готова, — печально вздыхаю я. — Поэтому я согласна с дядей, что можно обойтись без лишних телодвижений.

— То есть ты не намерена что-то менять и стараться? — сердито спрашивает Валерий.

— Стараться и вновь разочароваться? — провожаю взглядом фонари. — Давай оставим привилегию стараться для твоей любовницы, ведь я думаю, что и ты для нее стараешь-

ся.

— Ты невыносима, — зло подытоживает Валерий.

— Кстати, почему она не сказала тебе, что в гости заглядывал мой дядя? — откидываюсь назад.

— А почему тебя интересует этот вопрос?

— Потому что мой дядя специально покрасовался перед консьержкой, и он знает твою привычку допытывать то слуг, то няню... Он знал, что консьержка настучит на него. Ему было важно, чтобы ты понял, что он был у твоей любовницы, которая проглотит язык. Вот, меня и интересует, почему она решила не говорить тебе о таком важном событии, как мой дядя? Между вами нет доверия? Кто ты для нее, Валер?

Глава 16. Вопросы

Юра преподает жесткие уроки жизни. Не сказала мне Лада, что приходил злой и страшный дяденька, но подловила консьержка, которая поделилась, что захаживали тут странные типы и, кажется, держали путь к той милой девочке, что живет на третьем этаже.

Я ждал, что Лада встретит меня в слезах, но нет. Открыла дверь с улыбкой. Да, взволнованная, немного нервозная, но так и не поделилась тем, что приходили гости. Первая мысль — он пригрозил ей, что свернет шею, если не скроется из моей жизни. Вторая — предложил денег. Третья — пообещал убить всю семью.

Не знаю почему, но сам я не лез с расспросами и ждал. Ждал и наблюдал за Ладой, которая заговорила, но не о Юре и его угрозах, а о том, что у ее мамы проблемы и она так мечтает купить ей квартиру, чтобы она смогла переехать из деревни, где нет воды. Короче, дом старый, разваливается, а ипотеку не одобряют и прочие жизненные проблемы обычного человека, который живет на маленькую зарплату сельского учителя.

— Теперь ты затих, Валера, — хмыкает Вика. — Дядя что-то вскрыл в ваших отношениях?

— Что он мог ей сказать?

— Он провокатор, — тихо вздыхает. — Но провоцирует

не ложью, а честностью, Валер. Если сложить два плюс два, то я могу предположить, что он сказал ей, как обстоят дела в нашей крепкой и дружной семье. Она же хочет, чтобы ты к ней ушел, а вот незадача, слишком много подводных камней, о которые можно ножки порезать. Она же про любовь говорила. Может, о любви и побеседовали. О ее цене, которую придется тебе заплатить, если посмеешь некрасиво поступить с ним.

— Либо он играет еще изощреннее, — сжимаю руль.

— Главное, что у меня в ваших играх роль не меняется, — голос у Вики уставший. — Господи, это мне, что, придется еще и твоему двоюродному брату детей рожать? Или они вынудят его усыновить тех, кто после тебя останется, если ты не в милость попадешь?

— Вика, я беру год не для развода с тобой, — медленно выдыхаю. — Да, черт тебя дери, ты меня слушаешь, нет?

Соня в люльке недовольно побряхтывает. Мы замолкаем, почти не дышим, но она все же заводится в слезах.

— Вот молодец, — зло шепчет Вика. — Разбудил!

Расстегивает блузку, аккуратно берет Соню на руки и прикладывает ее к груди:

— Папа у нас нервничает. Наверное, проблемы с другой тетей, — кидает на меня раздраженный взгляд. — Да?

— Она меня за нос водит, — говорю я и замолкаю.

Зачем я это сказал? Чего я жду? Поддержки от жены, которой изменяю?

— А ты ее — нет? — Вика закрывает глаза, а Соня довольно причмокивает. — Валер, ты ей позволил думать, что можешь к ней уйти. Я не знаю, любовь ли у нее к тебе или другой интерес, однако она почему-то посчитала, что имеет право заявить о себе. И ведь у тебя есть возможность сейчас взять и уйти. Да, конечно, дядя рассвирепеет, но если у вас любовь, то ты будешь бороться.

— Ты меня толкаешь в объятия любовницы?

— Ну, хоть кто-то должен быть из нас счастлив? Ты найдешь там счастье? Ты эти два дня был счастлив?

— Нет.

— Почему?

— Потому что... — щурюсь на светофор. — Потому что все не так, как было неделю назад.

— Неделю назад ты был счастлив?

— Я был спокоен.

— То есть тебя устраивает схема “нелюбимая жена и милая любовница на стороне”? — спрашивает Вика без тени гнева и осуждения. — А лишняя возня тебя раздражает? Уже не так весело?

— Да. Именно. Очень раздражает.

— Неужели будешь искать новую красавицу? Или эту перевоспитаешь? — Вика мягко смеется. — Хотя давай я не буду в курсе всего этого, ага? Немного уважения к жене и деловому партнеру, Валерий Аркадьевич.

— Принято, Виктория Романовна, — на меня опять на-

катывает ярость, от которой, кажется, кости ломит.

Глава 17. Доброе утро

Мария, поперхнувшись чаем, кашляет, когда в столовую всплывает Валерий. Замираю с чашкой у рта и медленно моргаю. Мой муженек явился на завтрак полуголым. В одних пижамных шелковых штанах. Немного помятый, взъерошенный и сонный. Без понятия, когда он вернулся сегодня ночью. И знать не хочу, чем он занимался. Любовницей ли или своим проектом, которым вздумал утереть нос моему дяде.

— Доброе утро, — сипит Мария и густо краснеет.

— Угу, — отвечает Валерий и подтирает лицо, прикрыв глаза. — Доброе.

— Валер, — шепчу я.

— Что? — глаза не открывает.

— Ты голый.

Вздыхает, откидывается на спинку стула и опускает взгляд. Моргает, а после смотрит на меня:

— Нет. Я в пижаме, Виктория Романовна.

— В нижней ее части.

— Я у себя дома.

— И что? — охаю я.

В столовую просачивается Инга, наша домработница, с подносом в руках. Смотрит на Валеру, округляет глаза и переводит шокированный взгляд на меня, будто это я раздела главу дома по пояс.

— Где там мой кофе? — Валерий сонно причмокивает.

Я не знаю, что делать. Он нарушает приличия и жутко смущает двух женщин, которые прежде не видели его в таком виде. Господи, да я его таким не видела! Ловлю себя на мысли, что хочу вскочить и сбежать, чтобы не созерцать его голые тела. Это его до невменяемости объездила милая Ладочка?

Инга ставит перед Валерием чашку кофе и торопливо скрывается на кухне, испуганно прижав поднос к груди. Мария сглатывает, встает и шепчет:

— Я пойду, — хочет взять из люльки Соню, которая увлеченно слюнявит погремушку.

— Нет, оставь ее, — Валерий делает глоток. — У нас же завтрак.

— Виктория ее уже покормила...

— Нет, она ест погремушку, — поднимает на Марию взгляд.

— Мне ее забрать? — она бледнеет.

— Нет, не отбирай у Сони ее десерт, бессердечная, — Валерий хмурится.

Мария растерянно смотрит на меня, и киваю:

— Иди, если ты, конечно, позавтракала.

— Я пойду в детской приберу...

Мария спешно семенит прочь из столовой, и Валерий провожает ее сонным взглядом, а после смотрит на меня:

— Что это с ней?

— Ты голый.

— Я в пижаме.

— Ты пьяный, что ли? — зло шепчу я.

— Пьяный и голый? — он усмехается и вскидывает бровь.

— Валер.

— Что?

— Ты не в себе.

— Я не могу спуститься на завтрак в пижаме? — спрашивает с удивленным возмущением.

— Ты в штанах от пижамы спустился. Ты себе раньше подобного не позволял.

— А теперь позволяю, — пожимает плечами. — Слушай, я еле встал с кровати. Дай мне кофе выпить и прийти в себя. Я два часа спал. Скажи спасибо, что я сюда не на четвереньках вполз. И потерпите, Виктория Романовна, я вас через час оставлю.

Накалываю на вилку кусочек омлета и поджигаю губы.

— Я тебе нервирую?

— Да.

— А вот Соню нет, — хмыкает, и наша дочь с улыбкой сучит ножками и ручками. — Соне я нравлюсь.

Решительным залпом допивает кофе, встает и подхватывает ее на руки. У меня включается разъяренная тигрица. Только порываюсь вскочить на ноги, как Валерий оглядывается и шепчет:

— Сидите, Виктория Романовна.

— Отпусти ее...

— Нет, — хмурится. — Выдохни.

Соня агукает, в восторге булькает, глядя на Валерия, и я чувствую жгучую ревность. Она — моя девочка! Она не должна улыбаться ему, ведь он не достоин ее улыбок.

— Мы же не будем говорить маме, что я к тебе под утро приходил и песенки пел, да? А то она меня сожрет с потрохами, — шепчет с ехидной улыбкой. — Это наш секрет, ага?

— Ты врешь, — цежу сквозь зубы. — Я бы услышала.

— А я выключил радионяню, что бы ты не подслушивала, — вышагивает перед столом.

— Прекрати играть комедию, — сжимаю вилку.

Валерий возвращает Соню в люльку, тискает ее за подбородок и поднимает на меня взгляд:

— Бесит, что она и моя дочь?

Глава 18. Ты моя жена

— Ты ее не любишь...

— Вот это обвинение, — Валерий в негодовании приподнимает брови. — И с чего такие умозаключения?

— А ты хочешь сказать, что это не так?

— А давай мы с тобой поскандалим не в присутствии Со-ни, м?

— А я разве скандалю? — тихо удивляюсь я. — Я даже голос не повысила. Я вообще шепотом говорю.

— Шепотом будем скандалить? — Валерий делает ко мне шаг.

Меня напрягают его голые руки, грудь и живот. И не передо мной ему красоваться всеми своими мышцами, потому что у меня нарастает желание воткнуть вилку в его пресс возле пупка.

В столовую возвращается Мария, на цыпочках пробегает мимо и подхватывает Соню на руки:

— Я все же ее заберу. Надо ее переодеть к прогулке.

— Я сама это сделаю...

— Сиди, — шипит Валерий, и Мария спешно ретируется, прижав к себе всхлипнувшую Соню.

Скрещиваю руки на груди и поднимаю взгляд:

— Тебе стоило остаться там, где ты задержался до глубокой ночи. Там бы и позавтракал. Там бы твоему торсу были

бы рады.

— Сомневаюсь, что уставшие инженера и злые проект-менеджеры бы заценили мой торс, Вика. И в их обязанности не входит кормить меня завтраком.

— Очень интересно, а теперь ты можешь оставить меня в покое? — медленно выдыхаю через нос.

— Я подозреваю, что ты начнешь настраивать дочь против меня, — Валерий раздраженно оглядывает меня.

— Знаешь, ситуация может развернуться так, что ты будешь отцом-молодцом, а я матерью-мегерой, которая зря катит бочку на идеального папулю.

— Так ты не кати на него бочку.

— А я не качу, — встаю и хлопаю ладонью по столу, — дай мне позавтракать! Что ты ко мне прицепился?

— Прекрати меня обвинять, что я не люблю дочь.

— А ты ее любишь? — подхожу вплотную и поднимаю лицо, заглядывая в его глаза. — Песенку спел, потискал и уже отец года? Чего ты добиваешься? Слушай, давай вернем то время, когда мы с тобой друг друга вежливо игнорировали на завтраках и ужинах? И Соне было достаточно того, что ты ее мимоходом чмокал и уходил. Этого достаточно от тебя, Валер! Это не так работает, что у тебя с любовницей проблемы, и ты переключаешься на дочь, которую даже на руки не хотел брать!

— Она не твоя собственность, Вика, — чеканит каждое слово.

— Это я ее родила и чуть не сдохла от потери крови и разрывов, — цежу в его лицо. — Это не тебя зашивали, не ты терял сознание... Да, господи, тебя не было в роддоме в этот момент! Ты явился только на следующий день! И когда у меня были схватки, тебя тоже не было рядом! Меня в роддом отвез твой водитель и он уговаривал меня дышать! Чужой мужик меня успокаивал! Не ты! Не ты! — толкаю его в грудь. — Из меня лезла твоя дочь, которую ты якобы любишь, а тебя не было рядом! Ты не касался моего живота, когда она толкалась, потому что тебе было насрать на нее, ведь ее вынашиваю я! А теперь ты говоришь, что ты ее любишь?! Песенки поешь?!

Отступает, а я пружина на него с криками и толкаю:

— Мы с ней были одни все девять месяцев моей беременности! И мне было так страшно тогда, когда ее положили мне на грудь, что я сейчас сдохну, а она останется одна с вами! Страшно! А у вас у всех разочарование! Не мальчик! А сейчас ее все любят, потому что она ведь такая милая, всем улыбается и всем радуется!

— Вика, успокойся...

— Не хочу успокаиваться! — рывкаю я и бью его кулаками по груди.

Перехватывает мои руки за запястья:

— Тихо!

— Что нечего сказать в свое оправдание? — цежу в его лицо.

— Нет, — сильнее сжимает мои запястья, — нечего.

А затем он меня целует. С каким-то отчаянием, злобой и голодом, но я его кусаю. Кусаю до крови и отталкиваю. Прижимает пальцы к окровавленной губе, а я пачусь.

— Не прикасайся ко мне.

— Ты моя жена, — глухо рычит и делает ко мне шаг.

Глава 19. Не провоцируй меня

— Ты моя жена...

Хватаю ложку, и Валерий насмешливо вскидывает бровь:

— Серьезно? И что ты с ней сделаешь?

Один шаг ко мне, и я бью его ложкой по лбу. Выходит такой звук, будто по влажному дереву ударила. Глаза Валерия округляются. Несколько секунд обескураженного молчания, и я срываюсь с места. Только вот не убежишь от разъяренного мужика.

Валерий нагоняет меня на пороге гостиной. Рывком разворачивает к себе и впечатывает в стену, а после прижимает ладонь ко рту, предугадывая мой крик.

Сердце в пятки падает и подскакивает к желудку от его дикого взгляда. И ведь сама виновата: спровоцировала его своими претензиями, обидами и глупой физической агрессией, но не могу я просто сидеть и выжидать.

Еще пару недель назад завтрак наш был бы другим. Сейчас же из меня потоком рвется гнев, который копился все эти месяцы.

— Я был на другом конце страны, когда ты рожала, Вика, — хрипло рычит, вглядываясь в глаза. — Тебе ставили срок на две недели позже. И как только позвонили, я так и сорвался, но, видишь ли, не придумали еще телепорта, чтобы из глухого поселка у карьера моментально перенестись в

центр Москвы. И вряд ли ты хотела, чтобы я был рядом, если сама мне не удосужилась позвонить при схватках.

Я сглатываю и медленно выдыхаю через нос. Не звонила, потому что не видела в этом смысла. Не хотела унижаться, не хотела навязываться и не хотела быть обузой. В конце концов, родить же я и сама должна была в состоянии, но под всей этой злой и отчаянной самостоятельностью в критичный момент пряталась испуганная девочка.

— И насчет твоего живота, Вика, — Валерий продолжает глухо рычать, — ты, что, подпустила бы меня к себе? И с каким бы ты лицом встретила мою инициативу, м? И давай будем честными, чем больше срок, тем чаще ты запиралась в комнате. И что ты отвечала на мои вопросы, как твое самочувствие? А? Все хорошо, а подробности я узнаю от твоего врача. Я, может, тебе не любимый мужчина, но и не враг, дорогая.

Отличные у нас ссоры. Я ему по лбу ложкой, а он мне рот затыкает, чтобы я не могла оспорить его слова. И я себя очень корю, что решила сегодня подать голос, потому что все вылилось в физический контакт. Я чувствую на лице его горячие и прерывистые выдохи, от которых мне некомфортно и неловко, что аж самой дышать сложно.

Молчание затягивается, и Валерий не торопится убирать руку со рта и отпускать меня. Я нервничаю и подозреваю, что мой муж вспылал ко мне утренним и рьяным влечением, которое может толкнуть его на опрометчивый шаг, и что

делать я не знаю.

Если окажу сопротивление или дернусь, то его может переклинить. По глазам вижу, что он едва сдерживается, и эта глубокая черная тень в его взгляде пугает и пугает, как женщину, которая столкнулась с мужским вождением, что под собой имеет только одну цель. Цель получить не потомство, а удовольствие. Здесь и сейчас.

И меня это шокирует до глубины души, потому что прежде я в Валере этого черного огня не видела. И это пламя обжигает и страшит. Валерий — мужчина, от которого мне в случае его агрессии и желания не отбиться и не воззвать к его здравомыслию.

Медленно убирает руку, а я почти не дышу. Касается пальцами моего подбородка, и я вздрагиваю, будто к коже приложили раскаленную монету. Закрываю глаза, а Валерий пробегает пальцами по шее, вызывая волну слабости от макушки до пят. Я должна его оттолкнуть, но велик шанс, что я его спровоцирую на новую вспышку ярости, а в гневе люди глупые. Я ведь сама на эмоциях скатываюсь в безрассудство с ложками.

— Давай ты постарайся быть более сдержанной, — шепот Валерия дрожит гневом, и он отступает. — Не стоит меня провоцировать.

Я открываю глаза. Он буравит меня испытующим взглядом, разворачивается и размашистым шагом идет прочь. Я знаю, к кому он помчится после утренней ссоры в строгом

костюме и галстукe, и меня начинает трясти от холодной злобы к нему и его милой девочке.

Я могу Валерия окликнуть, остановить и поддаться желанию одержать временную победу в борьбе за его внимание из-за женского упрямства и уязвленного эго, но что потом? И останется ли он? Оглядывается, будто услышал мои мысли, и я задерживаю дыхание.

— У тебя пятно от кофе у ворота справа.

Покидает гостиную, а я с титаническим усилием сдерживаю себе желание схватить вазу с комода с сухоцветами и с криками ее разбить, но муж попросил меня быть сдержанной, поэтому я лишь молча сжимаю кулаки. Пусть, сволочь, катится к своей потаскухе.

Глава 20. Новая блузка

Пребываю в растерянности, разглядывая пятно от кофе на блузке. И когда я успела замараться? В тот момент, когда Валерий явился во всей красе или чуть позже? И мне совершенно не нравится, что сейчас происходит между нами.

И в сегодняшней ссоре я показала себя слабой. На эмоциях выплеснула на Валерия, что я нуждалась в его поддержке, заботе и защите, но это ведь не так. Ждут внимания и участия от того, кого любят и с кем ты сблизился, а у нас все иначе. Разве я должна искать равнодушия у того, кого презираю?

Тяжело вздыхаю, и на кровать рядом садится Мария.

— Кофе пролила, — говорю я ей и показываю пятно.

Конечно, не о кофе я сейчас хочу с ней побеседовать, но мне нельзя излить ей душу, в поиске сочувствия, потому что затем ее обо всем расспросит Валерий.

— Ничего страшного, — она аккуратно забирает у меня блузку и откладывает ее в сторону. — От любого пятна можно избавиться, если знать некоторые хитрости.

Мне кажется, что она на что-то намекает, потому что мягко сжимает мою ладонь и многозначительно заглядывает в глаза.

— Вопрос лишь в том, насколько дорога вам блузка?

Я в ответ хмурюсь. Это намек о Валере и его любовнице,

которая в данном контексте выступает как пятно на белой и тонкой ткани?

— Надо признаться, что эта блузка не самая удобная, — едва слышно отвечаю я. — Да, красивая и дорогая, но...

— Можно ее перекроить и перешить, — Мария улыбается. — Ну, либо ваш дядя подарит вам новую блузку, но не для семейных завтраков.

Я напрягаюсь. Опять какой-то намек и очень нехороший.

— Я не совсем понимаю, — шурюсь я. — Речь идет об импортной блузке, которую доставят с другого континента?

— Нет. Речь идет о блузке, которая должна вас порадовать и отвлечь от пятен. Эта та блузка, которая... ммм... должна висеть в шкафах отелей, съемных квартирах...

— Прости? — шепчу я, а у самой на загривке поднимаются волосы.

Речь идет о любовнике, которого мне подкинет щедрый дядя в желании уравновесить наши отношения с моим гулящим мужем?

— Я в прошлый раз подслушала деловой разговор вашего дяди с Валерием, — Мария пристыженно отводит взгляд. — И они беседовали о губной помаде на рубашке и новой блузке для вас.

— Что? — хрипло спрашиваю я.

Какая замечательная новость! Дядя и Валера решили меня подложить под другого мужика, чтобы я перестала истерить? Это уже ни в какие ворота! Я вскакиваю на ноги, охва-

ченная праведным гневом, но через секунду вновь опускаюсь на кровать, обескураженная и уязвленная.

— В защиту Валерия скажу, что он был против новой блузки, — шепчет Мария.

— Лишь высказался против и ничего не сделал? — сипло отзываюсь я. — За кого они меня тут держат? За шлюху?

Стискиваю в пальцах подол юбки. Валерий должен был отстоять мою честь! Сломать нос дяде за подобное предложение и выволочь из дома! Наглый и бессовестный боров меня оскорбил. Для них супружеская неверность в порядке вещей, раз смеют об этом вести деловой разговор в кабинете.

Мой дядя выворачивает все наизнанку. Я пожаловалась ему на измены Валерия в желании разбудить в нем в совесть, что он загнал меня в брак с женщиной, который не заботится о своей репутации, а он решил и меня макнуть в ту же грязь.

— Возможно, новая блузка подарит вам любовь?

— В повседневной жизни носить неудобные блузки с пятнами и тайком иногда надевать любимую новую блузу? — обескураженно скидываю бровь.

— Это слова вашего дяди...

Мне хочется помыться, пусть с утра я и приняла душ. Я чувствую себя грязной и липкой, будто я уже вступила в одобренную дядей интрижку с другим мужчиной. Невероятно. Принудил к браку, так еще вздумал и любовника подыскать?

— Мне придется на пару часов отлучиться, — встаю и

оправляю юбку. — Надо побеседовать с дядей о блузках.

Глава 21. На то я и муж, чтобы учить тебя

Сталкиваюсь с Валерием в коридоре. Проходит мимо, за-
тягивая галстук, и раздраженно оправляет полы пиджака.

— Ты еще тут? — зачем-то спрашиваю я и прикусываю язык, когда Валерий оглядывается.

— Прости? — смотрит так, будто видит перед собой не жену, а кровного врага, который убил всю его семью вместе с домашними питомцами.

Иногда лучше действительно молчать, чем говорить.

— Нет, ничего, — прячу руки за спину. — Просто я думала, что ты уже ушел.

Хочу добавить к “своей шлюхе”, но вместо этого опускаю взгляд. От его лица, которое искажено гримасой легкого презрения, нарастает гнев, а вторая ссора за утро нам не нужна. Мне не нужна.

— Ты остыла? — насмешливо интересуется Валерий.

Я поднимаю глаза, и он ухмыляется.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Нет, — цежу сквозь зубы.

И меня спасает плач Сони из детской. Бочком обхожу Валерия и отступаю к двери. В коридор выскакивает Мария и торопливо шагает ко мне:

— Я ее успокою.

— А разве моя жена чем-то занята? — Валерий приподнимает бровь. — Пусть она займется Соней. Она же тут мать.

Сжимаю до скрежета зубы, и молча вхожу в детскую. Медленно выдыхаю и семеню к кровати. Соня раскрывает рот в недовольных криках, и я ее аккуратно подхватываю на руки:

— Я тебя слышу, моя булочка, слышу. Тише, мама рядом.

Но что-то Соне не нравится. Ее крик нарастает, щечки краснеют. Пытаюсь дать ей грудь, а она отворачивается и плачет еще громче. Понимаю, что у двери за мной цепко наблюдает Валерий, и начинаю паниковать, будто я иду к провалу важного экзамена. Что ж я за мать такая, если не могу дочь успокоить?

— Маш, не лезь, — шипит Валерий Марии, которая хочет кинуться ко мне на помощь.

Нервничаю, и Соня решает, что надо добавить громкости и гнева в крики. Может, колики? А если заболела?

— А тебе не пора? — в отчаянии спрашиваю я Валерия, который вскидывает бровь. — Мы тут сами справимся.

Мария за его спиной тоже паникует, но не смеет идти против приказа самодовольного главы семьи. Напеваю тихую мелодию, которую Соня встречает истеричными визгами. Валерий вздыхает и делает несколько шагов ко мне, а я пачусь к окну.

— Дай ее мне, — четко и твердо чеканит каждое слово, и в полном бессилии подчиняюсь.

Укачивает, заглядывая в лицо рыдающей Сони, которая неожиданно распахивает глазки и затихает, сердито шмыгнув своим крохотным носиком.

— Ты чего ругаешься, Соня? — строго спрашивает Валерий.

А она в ответ хмурится, а после расплывается в слюнявой улыбке и хитро агукает. Я перевожу взгляд на Марию и готова расплакаться от глупой и необоснованной ревности. Я ревную дочь к ее отцу, который за считанные секунды успокоил ее рев ленивыми покачиваниями и одной улыбкой.

— Вот так, — Валерий возвращает мне улыбающуюся Соню и поднимает колючий и холодный взгляд. — Смотри-ка, кажется, я и правда могу стать отцом года, да?

Я должна держать себя в руках. Выравниваю дыхание, и мой ненаглядный супруг с издевкой шепчет:

— Спокойная мама — спокойный ребенок.

Как мило. Задумался о моем спокойствии?

— Благодарю за бесценный урок, милый, — сдержанно улыбаюсь я.

— Всегда пожалуйста, — обнажает зубы в каком-то оскале. — На то я и муж, чтобы учить тебя.

И выходит, одернув рукава. Бледная Мария провожает его испуганным взглядом и бесшумно закрывает за ним дверь, к которой приваливается спиной и выдыхает, прижав руку к груди:

— Я думаю, вам надо дождаться, когда он точно уедет, а

только потом куда-то идти.

Соня тихо побряхтывает и агукает, сжав локон моих волос, и я киваю.

— И я вот думаю, что зря я разговор о блузках-то завела, — она слабо и неловко улыбается. — Лезу я совсем не в свое дело.

Глава 22. Разрешаю скинуть ее с балкона

— Викуся, — дядя улыбается, когда я вхожу в его непро-
стительно огромный кабинет на двадцатом этаже, — как
неожиданно.

Я молча иду к его столу. Развалился в кожаном кресле и
скалит зубы, а глаза горят любопытством.

— Какая ты грозная, Викуся.

Обхожу стол, и дядя разворачивается ко мне. Кресло едва
слышно поскрипывает. Я должна выплеснуть на дядю свое
отчаяние, началом которого стал именно он.

— Встань, пожалуйста.

— Хорошо, — тяжело поднимается на ноги, и я леплю
ему звонкую и сильную пощечину. Его глаза округляются,
секундное замешательство, и я цежу в его лицо:

— Вы совсем охамели?

— Уточни, пожалуйста, о чем речь, — глухо и зло рычит
в ответ.

— Уже подыскал кандидатов для моих любовников?

— Валера, что ли, проболтался? — приподнимает бровь.

— Нет, — в гневе шурюсь. — У стен есть уши.

— Ты же знаешь, я за равноправие в браке, — едко ухмы-
ляется. — И тебе надо развеяться, отвлечься...

— Развеемся и отвлечься с жиголо?

— Почему сразу с жиголо?

— А с кем? Как назвать того, кого подыскивают несчастной в браке даме для развлечения за определенные блага? За связи, контракты и сделки? — сжимаю кулаки. — Или у вас грандиозный план вызвать Кирилла из-за океана, чтобы он постепенно наладил со мной контакт, а после торжественно выдать замуж?

— Твоя идея не лишена изящества, — дядя плюхается в кресло и цокает, — но я Кирюше, надо сказать, я совсем не симпатизирую.

— Почему?

Ему мало, кто нравится. Ко всем относится с пренебрежением и завышенными ожиданиями, хотя сам тот еще гнилой фрукт.

— Так-так-так, — дядя смеется, — что это за огонек в твоих глазах, Викусь? Что за подростковое бунтарство в тебе вспыхнуло?

— Это не ответ.

Стыдно признаться, но, да, во мне разыграло какое-то детское упрямство. Раз дяде не нравится Кирилл, то, может, это шанс показать характер?

— Он обычный торгаш, — дядя хмыкает. — Покупает и перепродает. И каким образом его бизнес поможет моему? Мне на иномарках щебень перевозить? Заменить карьерные экскаваторы и самосвалы, которые стоят дороже ли-

митированных тачек, на бентли? И у Кирюши сейчас сложности некоторые, поэтому мамка его и пытается перевязать его бантиком и впихнуть в нашу семью. Какая от него польза? Его пытались пристроить в строительный бизнес, но он решил свалить из страны. Да я тебя лучше за бригадира года отдам, и то толка будет больше, потому что найти нормального мужика, который построит остальных рабочих, еще сложнее чем тебе нового мужа.

— А можно мне не искать нового мужа? — в отчаянии шепчу я.

— Неужто с Валерой помирилась? — удивленно приподнимает бровь.

— Нет, — скрещиваю руки на груди, отворачиваюсь к окну и смотрю на облака.

— Сложная ты баба, — дядя недовольно вздыхает.

— Как ты мог такое предложить?

— Не вижу никакой проблемы.

— Может, у мамы тоже есть мужик для радости? — оглядываюсь на дядю, и у него глаза загораются ревностью и яростью.

— Язык прикуси.

— А что так?

— Я твоей матери верен, — цедит сквозь зубы.

— Да неужели? — горько усмехаюсь я.

— Представь себе. От женщины, с которой я вне брака, я не гуляю налево. Соответственно, от нее я жду того же.

Равноправие, Викусь.

— Он должен был дать тебе по челюсти, — поджимаю губы и понимаю, что сейчас расплачусь.

— Должен был, — дядя кивает и улыбается. — Конечно, я бы ему тоже, возможно, пару ребер, например, сломал. Тебя бы устроил такой вариант?

— Да.

— Хочешь, сегодня он явится не домой, а в больницу?

— Момент упущен.

— Согласен.

Минутное молчание, и я тихо спрашиваю:

— Какая она?

Я понимаю, что зря любопытствую, но подозреваю, что сегодня Валерий заглянет в гости к той, кто будет ему рада.

— Кто? — озадаченно потирает щеку.

— Его любовница. Кто же еще?

Дядя закатывает глаза, разворачивается к столу. Вырывает из блокнота лист и что-то на нем пишет золотой ручкой.

— Вот тебе адрес, иди сама на нее посмотри, — протягивает листочек мне. — Разрешаю тебе ей патлы попырывать и скинуть с балкона. Твою задницу я прикрою в случае ее летального исхода.

Глава 23. Порадуй меня

Открываю дверь и вхожу. Шагаю в спальню. Слышу шум воды, что идет из ванной комнаты, и тихое пение Лады. В глазах темнеет от возбуждения, что накатывает на меня с новой силой. Сбрасываю туфли, стягиваю пиджак и на мгновение замираю. На прикроватной тумбе стоит ноутбук с открытым мессенджером.

Имею ли я право сейчас заглянуть в сообщения Лады? Я уже знаю, что она скрывает от меня то, что к ней в гости заходил Юра, а после начала прозрачными намеками сыпать, что надо мамку забрать из деревни. Несколько секунд, и я сижу на кровати с ноутбуком на коленях.

Кисуня: А как насчет залёта?

Лада: Да стремно как-то. И проблемы лишние. Все оказалось куда сложнее. Там жена непростая.

Кисуня: За мужиков надо бороться, зай.

Лада: Я думала об этом, но... я не уверена, что сработает. Я ж говорю, жена там и ее родственники мрак полный. А еще я запаниковала и придумала маму из деревни...

Кисуня: Зачем?!

Лада: Чую жопой, что останусь ни с чем, а так, может, квартира бы была.

Кисуня: И сработало?

Лада: Не знаю :(Я уже и так, и эдак намекала ему, что квартиру хочу. Не в лоб же говорить. Вот и решила маму из деревни придумать.

Кисуня: Не подцепила ты его на крючок, заюш. Поторопилась ты.

Возвращаю ноутбук на тумбочку. Не сказать, что я возмущен, потому что и без Кисуни понял, что мной манипулируют. Вот только недавно стоял у окна в этой спальне и думал над тем, чтобы шагнуть с Ладой на новую ступень отношений, а сейчас... А сейчас понимаю, что это было глупой слабостью.

И забавно: я не чувствую гнева или разочарования. Пусть неосознанно, но я понимал, что она хочет быть со мной, потому что у меня есть деньги, бизнес и перспективы. Вероятно, он по-своему влюблена. Я-то тоже не завел себе любовницу из обычных и заурядных внешностью женщин. Она мне красоту, юность, ласку, а я ей деньги, отпуска и подарки.

Обратил бы я на нее внимание, будь она блеклой серой и неряшливой мышью, которая из-за своей небрежности чуть ли не попала под колеса? Нет. А стала бы она так на меня смотреть, если бы я был на старом пыльном и раздолбанном пикапе в грязной униформе сантехника? Нет. И приняла бы она от сантехника приглашение поужинать? Ответ тот же. Нет.

А Вика? Как бы поступила Вика? Во-первых, я с трудом

могу ее представить в коротких шортах и на велосипеде, а, во-вторых, вряд ли бы она была такой беспечной. Цепляюсь мыслями за короткие шорты на заднице моей благоверной строгой супруге и в брюках становится очень тесно. Может, стоило ее за завтраком да на столе...

— Меня ждешь? — раздается сладкий голосок Лады. — Какой приятный сюрприз с утра.

— Уже обед, — хмыкаю я.

— Для меня утро.

Встряхивает влажными волосами, скидывает полотенце и неторопливо подплывает ко мне, повиливая бедрами. Дразнит томным взглядом из-под полуприкрытых ресниц и плавными изгибами тела.

— Сделай мне приятно, — широко расставляю ноги и расстегиваю ширинку.

Улыбается, закусывает губу и безропотно опускается на колени. Убирает волосы за свои очаровательные ушки, вглядываясь в глаза, и шепчет:

— С удовольствием. Я соскучилась.

Когда ее теплые губы и влажный язык касается меня, я закрываю глаза и медленно выдыхаю. Берет глубоко и уверенно, как я люблю. И всплывает в голове сердитое лицо Вики и ее презрительно поджатые губы. И это она сейчас между моих ног, и ее я крепко держу за волосы.

По телу прокатывается несколько сильных судорог, и Лада отстраняется. Кокетливо вытирает уголки рта и кладет го-

лову на колено, в милой робости глядя на меня:

— Ну, я тебя порадовала?

Возможно, именно этого я ждал от договорного брака? Пусть у нас с Ладой вслух не оговорены условия наших отношений, однако они соблюдаются.

— Ты чего такой сердитый? — мило улыбается и трется щекой о колено, как ласковая кошечка.

Я молча касаюсь ее подбородка. Что бы я испытал, если бы у моих ног сидела нагая Вика и вот так на меня смотрела? Нет. Она бы лучше в петлю полезла, чем одарила меня своими губами и языком.

— Я знаю, как поднять тебе настроение, — грациозно встает и усаживается на колено, вглядываясь в глаза. — Поехали выбирать мне купальник? М? Я должна быть у тебя на пляже самой красивой, чтобы все завидовали.

Глава 24. Открытие для заюши

Точно, я же обещал Ладу отвезти на отдых к лазурному морю и белым берегам. Заглядывает в глаза и улыбается:

— Составишь мне компанию?

— Боюсь, у меня планы поменялись.

— Что? — недоуменно хлопает ресницами.

— В ближайший год я не могу себе позволить отдыхать, — касаюсь ее подбородка. Вижу в ее разочарование и возмущение. — Ситуация не располагает сейчас к отпускам, Лада. Мне надо плотно заняться своим проектом.

— Но... Я... — хмурится. — Но ты ведь обещал.

— Ну у тебя два варианта, милая, — улыбаюсь, — поехать без меня или же на деньги после возврата билетов и отмены брони в отеле снять квартиру маме.

Еще шире распахивает глаза. Прелесть. Сидела бы тихо, идиотка, то сейчас бы так не хлопала глазками.

— На эту сумму можно снять твоей маме небольшую квартиру в тихом районе на довольно долгий срок, пока она не найдет работу, — спокойно продолжаю я. — Думаю, с этим не возникнет проблем. Учителя всегда нужны.

— Снять? — обескураженный вопрос.

— Кстати, и почему бы тебе самой не устроиться на подработку? — пробегаю пальцами по ее нежной бархатной щеке. — Мне сейчас нужны старательные и ответственные лю-

ди.

— Но я ведь учусь...

Вскидываю бровь:

— А почему ты не на парах? И я предложу тебе неполный рабочий день, чтобы ты везде успела. согласишься, уже сейчас стоит задуматься о своей карьере.

Лада встает и отступает:

— Я не понимаю.

— Что тут понимать? — поднимаю взгляд. — У меня нарисовались сложности, милая. Довольно серьезные. И как ты думаешь из-за кого?

— Из-за жены? — едва слышно предполагает Лада.

— Которой ты решила рассказать о своем существовании, — застегиваю ширинку и щурюсь, — но почему-то не посчитала нужным поведать мне о том, что к тебе заглядывал ее дядя. Почему?

Вздрагивает и подхватывает с кровати халатик. Накидывает его на плечи и в волнении запахивает полы:

— Я испугалась его. Он мне угрожал, Валера, физическим насилием. Жуткие вещи говорил.

— Знаешь, я, конечно, считаю Юру мерзавцем, — встаю и делаю шаг к Ладe, — но он не из тех людей, которые станут угрожать расправой женщинам. Он своеобразный человек, и у него есть принципы. Он может пригрозить психиатрической больницей, но не поднимет руку на противоположный пол. Это мужчине он переломает пальцы и в кашу превра-

тит лицо, если его вывести из себя, но не женщине. Ты нагло врешь, Лада. Почему?

— Валер...

— Я задал простой вопрос.

— Я хочу, чтобы все было, как прежде...

— Не будет больше, как прежде, Лада, — зло усмехаюсь. — И это процесс запустила ты. Ты же хотела перейти на новый уровень, но ты не подумала, что новый уровень подразумевает некоторые трудности для меня. Представляешь, твой мужчина связан многими сложными обязательствами с влиятельными родственниками. Я не сам заработал свои деньги. Я наследник, Лада, а перед наследниками зачастую ставят серьезные условия. Они меня раньше устраивали, потому что все было относительно спокойно и размеренно, но сейчас мне в них тесно и я хочу развернуть ситуацию в своих интересах, а для этого мне придется, грубо говоря, пахать, поэтому отпуск — для меня теперь непозволительная роскошь, ведь времени у меня не так много. Всего лишь год.

Судя по обескураженным и негодующим глазам, Лада ни черта не поняла из моей гневной тирады, кроме того, что кончилось для нее легкое и беззаботное время.

— И ты ведь меня любишь, так?

Она кивает, но я замечаю ее неуверенность.

— И любовь поможет нам преодолеть все сложности? Так ведь? — недобро щурюсь я. — И мне сейчас очень важна поддержка и вера в мои силы.

Забавно. Когда я за столом в кругу моей “любимой” семьи я заявил, что беру год на свое дело, ни у кого в глазах я не увидел такого разочарования и сомнения. У Вики было отчаяние, что я перехватываю инициативу, у ее дяди проскользнуло одобрение, у отца раздражение, что я бунтую. Люди, которые ограничивают мою свободу, допускают возможность моего успеха, а милая Лада, которая все это время заглядывала в рот, не верит в мой потенциал.

— Ты, что, разводишься? — Лада, наконец, задает тихий вопрос.

— А с чего такие предположения?

— Ну... Тогда к чему все это?

— Я не могу взять и развестись сейчас без последствий...

— подхожу к Ладе и приподнимаю ее подбородок, — у меня есть дочь, и я не хочу ее потерять. На данный момент я не в состоянии ее защитить, понимаешь? Мне тридцать лет, однако я все еще мальчик, у которого могут отобрать ребенка, а его мать вновь загнать в клетку. Я понимаю твое эгоистичное желание прибрать меня к рукам, но ко мне пришло осознание, что моя жена — это жена. Да, нелюбимая, но жена и мать моего ребенка.

— А я...

— А ты хочешь отпуск, квартиру и удобно устроиться рядышком с успешным и богатым мужиком, но поторопилась, заюш.

Распахивает глаза, понимая, что мне известно о переписке

с его подружкой.

— Валер...

— И ты знаешь, я ведь понимал, что, по сути, покупаю твою ласку и любовь за материальные блага. Мы оба это понимали и принимали до определенного момента. И я вот никак не могу понять, что тебя толкнуло на следующий шаг? Это же не туфельки новые попросить, а желание увести мужа из семьи и самой стать женой.

— Валер, все не так, как ты говоришь... Я тебя люблю.

— Эта квартира принадлежит компании моего отца, — игнорирую ее слова о любви, которые больше ничего не трогают в душе, — и я ее оформил на одного из сотрудников, и боюсь, что теперь тебе придется съехать. Я пока выхожу из управления.

— Что? И куда мне? — Лада охает.

— У нашей любви наступили сложные времена, — со лживой печалью вздыхаю. — Снимем тебе квартирку на те деньги, что должны были пойти на наш отдых, а он, зараза, довольно дорогим вышел. В тихом спальном районе хватит, может, даже на год.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— А жену ты свою в спальный район не хочешь отправить? Или у нее ничего не поменяется? Будет себе сидеть в особняке в элитном районе с нянями и слугами? — у Лады прорезаются нотки ярости в голосе.

— Какая ты милая, — смеюсь и тихо продолжаю, — когда за твоей спиной будет стоять Пастух, тогда и можешь остеречь.

— Пастух?

— Дядя Юра. Кличка у него такая. Пастухов он, а остальные за глаза его Пастухом зовут. Вот, что ты представляешь, когда слышишь слово пастух? Милого старичка на лошадке, да? Только у этого старичка ружье за спиной и сильные руки, которыми он голову может свернуть, если кто-то обидит его любимую овечку. И сейчас он сидит в седле, жуёт травинку и следит за одним наглым бараном. И в этой метафоре все зыбко, Лада, непросто и много угрозы. А теперь собирай вещи. Вечером грузчики заглянут. И надеюсь, в твой новый и невероятной дорогой чемодан, который ты так хотела, влезут все твои шмотки.

— За что ты так со мной?

— Добро пожаловать в суровую реальность, где твой котик - злой и агрессивный мерзавец, — цежу в ее лицо. — Вот такой я, Лада, с женой и с семьей. Это новый уровень наших отношений, с чем тебя и поздравляю. Слезы вытерла, рот закрыла и вперед.

Глава 25. Прозрение

У меня есть адрес Лады. Дядя не дал мне больше никакой информации. Хочешь узнать о любовнице, то сама к ней шуруй, дорогая, а ничего кроме жтого не скажу. Конечно, я к любовнице Валерия не поеду. Мой вопрос о том, какая она, был необдуманным и лишним. Рву бумажку.

Я хочу домой к Соне. Во всем этом безумии только она островок счастья и любви, и меня невероятно злит, что на нее и ее внимание сейчас покушается Валерий. Да, он отец, и он имеет право нянчить ее, но ему не верю, что он внезапно воспылал великой любовью к дочери.

Пусть листочек с адресом порван, но мне хватило лишь мельком на него взглянуть, чтоб он въелся в мой мозг гноющейся раной. Я не должна так унижаться... Я должна вернуться домой к Соне, а не искать встречи с любовницей Валерия. Зачем мне это? Чтобы докатиться до самого дна?

— Мне надо в другой адрес, — говорю я едва слышно, медленно выдохнув.

— Без проблем, — водитель чешет щеку.

Нет, я хочу этой встречи. Любовница Валерия стала частью и моей жизни. Она заняла место в моей голове, и я никак не могу избавиться от навязчивых мыслей о ней. Я желаю вскрыть себе череп, вытащить мозги и промыть под проточной водой, чтобы смыть с него слизь и гниль тихого отчая-

ния. Мне зябко, пальцы дрожат и чтобы унять это холодную возбужденность, я сжимаю кулаки.

И да, мое болезненное любопытство к любовнице Валерия наталкивает меня на нехорошие мысли. Во мне нет холодного равнодушия, которое должно было быть моей броней. Я пребывала в вынужденном анабиозе все это время. Я давила в себе все эмоции и чувства, а они ушли в темные уголки моего сердца и там тлели под презрением, что я хололила и лелеяла все это время.

Я была влюблена в Валерия. Меня окатывает холодной дрожью и к горлу подкатывает ком слез. Я просто этого не осознала, потому что я не проживала в юности того опыта, который учит девочек распознавать симпатию и чувства к мальчикам.

Я потеряла отца и приобрела деспотичного дядю, который отобрал у меня мать. Мое бунтарство жестко и безжалостно давили, а после отдали Валерию, и именно после его высокомерной ухмылки на первом нашем знакомстве меня потрянуло и кинуло в истерику. Учащенное сердцебиение, сбитое дыхание, жар в теле мой мозг воспринял, как угрозу для жизни, а это было нечто иное.

Вот это прозрение! И все это время я ждала от него тепла и нежности. И всеми этими попытками спрятаться в комнате, молчанием за столом, стойким игнором в его сторону я кричала о том, что хочу любви. Я запирала дверь своей спальни, когда возвращалась после наших “актов любви”, и

не могла уснуть не потому, что мне было стыдно и гадко. Нет, я ждала его шагов и стука в дверь.

И сейчас я злюсь и паникую, потому что боюсь. Боюсь, что его интерес к Соне — лишь мимолетное эгоистичное желание сыграть еще одну роль, а я могу обмануться ею. У меня ведь что-то кольнуло в сердце, когда он держал нашу дочь на руках. Все наладится с милой и сладкоголосой Ладой, и папуля махнет хвостом и опять забудет, что он “отец года”.

И “новыми блузками” от дяди я возмутилась по причине того, что не интересуют меня другие мужчины даже для того, чтобы отвлечься. И не дадут они мне любви, потому что жду я ее от Валерия, а он увлечен другой женщиной. Поэтому я хочу посмотреть на Ладу. Я должна знать, кого он балует и купает в своей мужской заботе, в которой нуждаюсь я. Я тут жена и я тут мать его ребенка.

— Что, предстоит сложная встреча? — спрашивает таксист.

— Простите?

Такси стоит, мотор заглушен, а отражение глаз таксиста в зеркале заднего вида немного обеспокоенные.

— Мы уже пять минут, как приехали. Вот я и спрашиваю, встреча сложная?

— Можно и так сказать, — вздыхаю я, и волна дрожи бежит от кистей рук до шеи и ныряет в сердце.

— Тогда дави противника невозмутимостью, — водитель оглядывается и улыбается, отчего вокруг глаз собираются

дружелюбные морщинки. — Собери волю в кулак, морда кирпичом и смотри на всех, как на противную плесень. Я всегда так делаю.

— Я просто не знаю, чего ждать от встречи.

Я лукавлю. Меня настигнет разочарование в себе. Я уже презираю себя, но раз решилась задать дяде вопрос о любви-нице Валерия, то я дойду до самого конца. Утоплю сама себя в унижении и глумлении, захлебнусь стыдом и позором, чтобы уничтожить в сердце слабые и тонкие ростки извращенной влюбленности и привязанности к мужу, который был в силах наш брак повести по пути доверия и любви.

— А не жди ничего хорошего, — усмехается. — Никогда не жди ничего хорошего.

— Я так живу последние годы, — убираю локон за ухо и хмурюсь, — и вокруг вижу только врагов. Это выматывает.

— Хм... — таксист поглаживает подбородок. — есть над чем подумать.

Вежливо прощаюсь и покидаю уютный салон такси, в котором пахнет кожей и немного древесными опилками. Несколько секунд шурюсь на стайку птиц и облака. Интересно, моя мама испытывала то же самое, когда решилась пойти и убедиться в том, что мой отец ей изменяет?

Делаю глубокий вдох, приподнимаю подбородок и шагаю к крыльцу, не поддаваясь желанию трусливо сбежать. Я приняла решение прыгнуть в пропасть и разбиться. Надо содрать бинт с засохшей раны с корочкой и выпустить гной.

Глава 26. Держись, Викусь

Я успеваю проскользнуть в дверь, из которой выходит зевающий подросток с огромными наушниками на голове. Как удачно, а то я кода от кодового замка не знаю. Было бы совсем унижительно стоять на крыльце. В закутке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.